

Цскорка

ДЕТЕЙ поэтично называют «цветами жизни». И это очень верно. Детская улыбка, пленительная и светлая, чистое детское сердце, очаровательная ребячья непосредственность и не знающая предела любознательность красят жизнь. Детей, как и цветы, надо заботливо растить и лелеять.

В нашей Советской стране дети окружены большой, щедрой заботой. Взгляните на снимки. На них — несколько поколений юных граждан: пионеры, октябрята, дошкольники.

На верхнем снимке слева — юннатки, которых фотограф заснял на Областной станции юннатов в Павловске. Девочки радуются первому распустившемуся цветку!

Внизу вы видите необычный автомобиль — не «Москвич», не «Волгу», а машину «папиной конструкции». Этот автомобиль построил в подарок своим детям конструктор Павел Яковлевич Прокофьев. Его дочь Надя сидит за рулём. Возле неё — двухлетний братишка Валерка. На заднем сиденье — их друзья. А счастливый папа бежит сзади.

Вверху справа — сёстры-близнецы Наташа и Лена Поповы. Познакомьтесь. Они — воспитанницы детских яслей № 275 в городе Пушкине. Как вы видите, сёстры любят строить. Что ж, нам строители нужны!..

Совсем иначе живут дети трудящихся в странах капитала. Многие из них вынуждены бросать школу, чтобы заработать на кусок хлеба. Нищета, голод, болезни преследуют их с колыбели.

Капиталисты хотят развязать новую мировую войну, которая принесла бы ребятам неисчислимые бедствия и страдания.

Все честные люди объединились, чтобы защитить детей от угрозы новой войны.

Каждый год 1 июня отмечается Международный день защиты детей.

Фото Г. Сафонова и Н. Карасёва

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Валерий Самсонов

Д Л Я В А С

Ребята —
Глазастые, умные, шустрые,
Которым откроет
Все тайны Вселенная,
Живущие с песней,
Знакомые с шуткою,
Ребята —
Пытливые и дерзновенные!

Для вас —
Белопенное яблонь цветение,
В полях целины —
Океаны пшеничные,
И нового города
В тундре рождение,
И новая книга
Поэта столичного;
И труд, и мечты,
И борьба, и искания,
Которыми жизнь,
Словно солнцем, пронизана.
...Растёт коммунизма
Великое здание,
И вы в нём, ребята,
Навечно прописаны.

Рис. В. Адаева

ШЛИ ДРУЗЬЯ

По тропинке вдоль реки
Шли друзья-ученики.
— Я, — похвастался Серёжа, —
С бережка на бережок
На спине, ребята, лёжа,
Переплыть бы речку мог.
— Удивил! — съязвил Андрейка. —
Эта речка не по мне:
Мелковата. Есть копейка?
Брось — найду её на дне.
Третий шёл и молча слушал.
Если правду говорить,
Как ни силился Павлуша,
Глаз в воде не мог открыть.
И хотя он летом тоже
С речкой дружбы не терял,
Всё ж не плавал, как Серёжа,
Как Андрейка, не нырял.
С детворой за поворотом
Солнце брызгалось в воде.
— Ай! — истошно крикнул кто-то.
— Тонет.
— Девочка в беде!
— Длинный шест спасти поможет, —
Робко предложил Серёжа.
— В лодке было бы верней, —
Мямлил друг его Андрей.
И пока они решали,
Как помочь чужой беде,
Спорили да шест искали,
Павел был уже в воде.

Рис. В. Адаева

Эстафета жизни

— ТРУДНО поверить! — Да, такого ещё не бывало. Зимой там пути нет. Но ведь человека надо было спасти.

— Сотни людей шли.

— Положим, не сотни, меньше. Так вот, дело было на границе, зимой, в метель...

Много раз и из разных уст слышал я эту необыкновенную историю, путешествуя по заставам Грузии.

Да, дело было зимой. Мне нелегко было представить свирепую пляску вьюги, заваленные снегом дороги, — в Ахалцыхе я приехал летом, в разгар июля. Ослепительно синее небо вставало над лесистыми хребтами, звенела Кура, пряный дух спеющих яблок клубился в долине.

Безлюдна лесная глухомань, глубоки провалы ущелий, но коротка здесь тропа для врага. Ему не обмануть зоркость, не сломить силу наших воинов и их друзей. Тут каждый — пограничник.

Заставы здешние — ветераны суровых схваток. История хранит имена героев, обретших бессмертье. Но битва, о которой я сейчас расскажу тебе, читатель, — особого рода. И тут был трудный поход, но не по следу врага. И тут была кровь, но...

Вот как это произошло.

На заставе заболел солдат. Днём он был весел, бодр, с жаром обсуждал с товарищами шансы тбилисского «Динамо» в предстоявшем футбольном матче с англичанами. Под вечер он вдруг почувствовал резкую боль внутри. Вскоре она утихла, солдат уже натягивал маску, собираясь в наряд, — и снова боль. Командир отделения подошёл, посмотрел в глаза.

— Что с тобой?

— Ничего... Пустяки.

Идти в наряд Николаю Ханько в тот день не пришлось. Фельдшер отвёл его в санчасть, осмотрел, уложил. Солдат стонал, жестокая боль терзала его.

Что с ним? Уверенно поставить диагноз молодой фельдшер не мог. Похоже, — заворот кишок. Эта мысль испугала его. Ведь тогда Николаю конец. За окном выла метель.

Фельдшер листал книги, ему хотелось отогнать страшную догадку. Нужен врач. И срочно! Вести Николая в отряд? Невозможно.

Застава, где служил Ханько, — высокогорная, одна из тех, что орлиными гнёздами высятся на отро-

гах скалистого хребта. Вершины уходят за облака. Леса уже нет здесь, он чёрной буркой, сползшей с плеча горы, лежит далеко внизу. Летом серое безбрежье камня лишь кое-где оживляется жёстким колючим кустарником. Зимой — голая, слепящая белизна вокруг. Снег плотный, тяжёлый снег, засыпавший до самых окон здания заставы, поглотивший старинный дувал с бойницами. Снег, превративший заставу в остров, отрезанный на долгие месяцы от Большой земли.

Только летом слышен здесь гудок автомашин. Застава запасает на зиму всё — пищу, обмундирование, оружие и патроны. Зимой нет сюда пути. В ясный, безветренный день с трудом проберётся пешеход.

Но в буран...

Фельдшер взял трубку телефона. Не сорвало ли связь? Нет, штаб отряда ответил. Далёкий голос донёсся сквозь гомон и завывание вьюги. Стало легче. Вот сейчас врач утешит его, дружески посмеётся, скажет, что ничего серьёзного, по-видимому, нет.

— Температура тридцать восемь, резкие боли,— сообщает фельдшер. — Тошнота, жажда.

— Попробую пробиться к вам,— слышит он. — Завтра... Ждите завтра.

Значит, опасность всё-таки есть. Голос в трубке то замирает, то возникает вновь. Фельдшеру видится, как вьюга треплет провод, рвёт его, тонкий провод, тянувшийся над снегами. Он вот-вот не выдержит... Так же легко может оборваться и жизнь Николая, если врач не придёт.

«Ждите завтра». Врач выйдет утром. Наверняка утром,— на ночь глядя пускаться в такую дорогу нельзя. Кусочек пути он проделает в машине. Ещё частицу — верхом. А дальше — пешком. Сорок пять километров пешком, по кручам, по снежной целине.

— Ждём, товарищ майор! Ждём!

Майор положил трубку. Он невысокого роста, крепок, обветрен. В горах он сделался отличным лыжником, альпинистом. Но ходить на ту, самую дальнюю, заставу ему не слу-

чалось. Николай Григорьевич Котов знает, — мало кому удавалось пройти туда сквозь буран, по карнизам, по осыпям.

Но идти надо.

Утром он спокойно прощается с женой, велит уложить инструменты, бинты. Всё, как обычно.

В шесть часов, затемно, из ворот штаба выходит группа пограничников. Котов, его помощник и девять солдат. Часа два спустя они оставляют проезжую дорогу позади. Начинается пеший подъём. Буран ещё бушует, он силится смести отважных, похоронить в ущелье.

Будь мороз, идти было бы легче. Он сковал бы снег панцирем наста. Сейчас ветер с юга, влажный, тёплый, гонит массы летучего мокрого снега, ноги проваливаются, сырость пронизывает куртки, проникает в сапоги. На привалах выжимают портянки, вода сочится из них струями. Ноги тяжелеют. Иногда кажется, — сил уже нет, они иссякли в битве с ветром, с барханами снега. Тогда Котов думает о больном, о солдате, который там, на заставе, стонет от нестерпимой боли, мечется на койке, кусает подушку.

А подъём всё круче. Карниз, висящий над пропастью, кружит, взмывает кверху, вонзается в свод серых облаков. Справа — ущелье, рёв потока, невидимого во мгле, слева — стена горы. Карниз ненадёжен, — его размывают ручьи, рождающиеся под пластом снега. Один раз лавина чуть не погубила пограничников — она пронеслась рядом, обдав брызгами льда, холодным дыханием. Много упорства, смелости, ловкости нужно для того, чтобы одолеть преграды, воздвигнутые на пути обвалом. Передний в цепочке осторожно пробует ногой снежную глыбу — выдержит ли, не грозит ли соскользнуть, увлечь на дно ущелья. В затылок ведущему, след в след, шагают остальные. Цепочка пограничников вьётся, огибая скаты, настойчиво пробивает путь через завалы, через ручьи. Карниз местами суживается и, занесённый бураном, исчезает из вида, почти сливается с откосом горы! Назад! — рычит буран. — Даль-

ше хода нет! Но направляющий, бывалый старшина, предлагает размотать верёвку, перевязаться. Майор отдаёт приказ. Старшина лезет на завал, балансирует над пропастью, находит опору, верёвка натягивается, смельчаки двигаются вперёд.

Как у бегуна на дальней дистанции, как у пловца в большом заплыве, выручает второе дыхание. Оно явилось, когда пудовой усталостью налились ноги, когда лёгким не хватало воздуха. Но и эти последние резервы человеческой энергии истощились у финиша, за воротами заставы. Бойцы сняли оружие, онемевшими пальцами отстегнули пуговицы курток, скинули на пол и тут же свалились. Так закончился беспрецедентный пятнадцатичасовой переход. И только майор Котов, врач, не мог разрешить себе и часа отдыха. Понадобилось третье дыхание, — и оно нашлось.

Да, именно третьим дыханием следует назвать то необычайное напряжение воли, благодаря которому Николай Григорьевич удержался на ногах, осмотрел больного, а затем сделал труднейшую операцию. Не-

лёгкой она была бы и в оборудованной клинике, в залитой светом палате. Здесь же не было ни вышколенных медсестёр, ни бестеновой лампы, — для операции наскоро приспособили канцелярию заставы, согрели воду на кухне. Жена офицера взяла на себя роль операционной сестры. Николая Ханько положили на письменный стол, обитый клеёнкой.

Три часа продолжалась операция. Вот уже наложен шов... Конец. Отдых? Нет! У Ханько вдруг исчез пульс. Значит, не кончена схватка со смертью. Надо вливать глюкозу, поддерживать работу сердца. Отходить от больного нельзя. Пусть требуют отдыха измученные мышцы, стучит в висках. Нельзя! Нельзя!

Той ночью Котов прилёг раза два, очень ненадолго — тревога за жизнь солдата не покидала его. Сердце работало, но слабо, вяло, организм юноши плохо перенёс тяжёлую операцию.

Нужна свежая кровь!

На ногах, на руках Ханько выступила синева. Если не влить кровь, конечности омертвеют, начнётся за-

ражение. Нужна кровь! Врач вошёл в аппаратную к дежурному связисту.

Над заснеженными горами, над потоками, над чёрным зимним лесом, сквозь метель помчался сигнал тревоги. Человеческая жизнь в опасности! Жизнь советского юноши, бойца-пограничника Николая Ханько.

Об этом узнали в комендатуре, в штабе отряда, в округе. В штабе округа шло экстренное совещание. Генерал оторвался от карты, от доносений.

— Доставить кровь! — приказал он. — Немедленно! Передать эстафетой.

Иначе не успеть. Ведь ближайшая к заставе станция переливания крови в городе Ахалцыхе. Расстояние — семьдесят километров. Раньше чем на вторые сутки вряд ли прибудет гонец с ампулами крови. Куда быстрее справится с задачей эстафета — силами промежуточных застав. Дорога каждая минута!

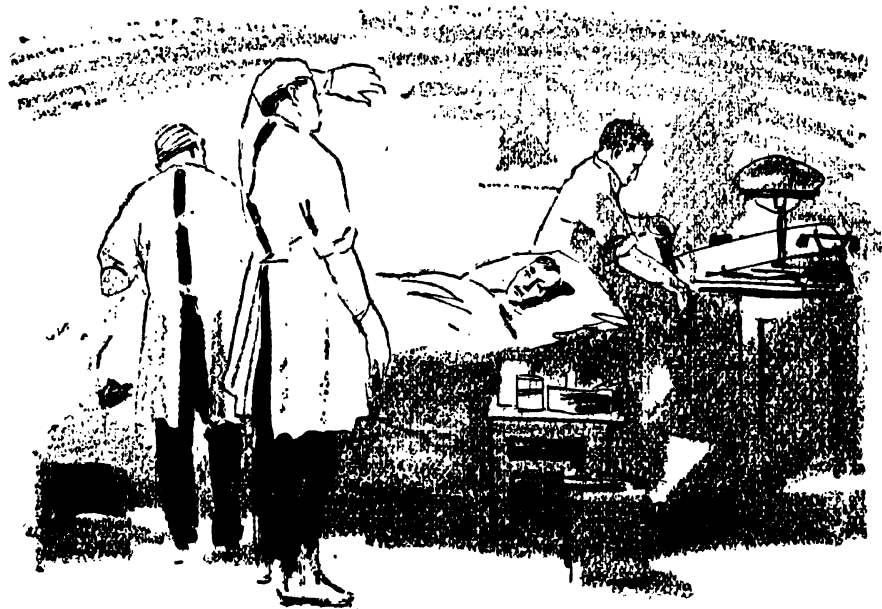
В Ахалцыхе два пограничника принимают драгоценные ампулы, садятся в машину. Дорогу заносит, мокрый снег залепляет ветровое стекло, рейс затруднён, но

вёрткий газик достигает комендатуры. Там уже ждут солдаты — лыжники с соседней заставы. Ампулы закреплены на груди, под курткой, — так меньше тряски. А следующая застава уже высылает навстречу своих. Так, свежими силами, без передышек, одолеваются перегоны между заставами. Ампулы с кровью переходят из рук в руки. Их берегут. Лишь на несколько минут приостанавливается движение эстафеты: кровь должна быть горячей, её надо подогревать в пути, на заставах. Напрасно злая метель силилась остановить эстафету жизни, слепила глаза, громоздила сугроб, сбрасывала с обрывов снег. В эстафету направили самых умелых, самых храбрых. Пешком, а где можно, — на лыжах воины-пограничники спешили к цели, несли кровь, жизнь.

Доктор Котов, побледневший, осунувшийся от бессонных ночей, сидел у постели Николая Ханько.

— Держись, милый! — говорил майор. — Будет для тебя кровь. Товарищи не подведут!

Ханько слабел, иногда терял сознание. Он с усилием шевелил губами. Врач поглядывал на часы. Скоро ли придут? За два дня худоша-

вый, большелобый юноша стал ему родным. Врач видел фотографии отца, матери. Знал, что Николай мечтает поехать после демобилизации в Сибирь на стройку, отличиться в труде. На тумбочке лежали любимые книги Николая, его тетради, пенал с карандашами, — простой деревянный пенал, память о школе.

Эстафета двигалась, ломала преграды. Большинству бойцов —

участников её — больной солдат был известен разве что по имени.

Ампулы с кровью были доставлены в тот же день. Эстафета друзей, эстафета жизни пришла вовремя.

...Не забудут об этом прекрасном подвиге люди пограничного горного края. Сказ об эстафете жизни передаётся из уст в уста и, наверное, станет легендой, вроде тех, что столетиями бытуют здесь.

Близко орёл, найдите его!

(Загадочная картинка А. Илючека)

*
ЕФИМ Петрович Чеповецкий — украинский детский писатель. Е. Чеповецкий пишет стихи, рассказы и пьесы для детей. В 1959 г. в Детгизе вышла его повесть-сказка «Непоседа, Мякиш и Нетан». В 1960 г. будет издан сборник рассказов Е. Чеповецкого.
*

Рассказ «Святые слёзы», который публикуется в июньском номере «Искорки», входит в этот сборник.
*

Ефим Чеповецкий

Рисунки П. Вискова

„Святые“ слёзы

У НАС в классе есть такая Оля Чубасова. Девочка как девочка, вот только болтунья страшная: всюду она бывала, всё она читала, всё она знает. Соберёт на переменке подружек и давай руками всплёскивать: «Ой, девоньки, что я знаю!.. Ой, девоньки, что я видала!»

Так вот эта самая Оля однажды заявила, что ей ночью ангел приснился: такой красивый, с белыми крыльями и большим пропеллером на спине. Девочки очень удивились, замолчали, а потом тревогу забили: «Почему ангел?», «Откуда ангел»? И правильно сделали, что тревогу забили, потому что там, где ангелы, — там и до бога недалеко. А бога, ангелов и чертей на свете нет, это все знают.

Собрали мы звено и начали выяснять, откуда к Оле во сне ангел забрался.

Оля охала, пожимала плечами, а потом вдруг сказала:

— Знаете, ребята, это мне, наверное, просто вертолёт приснился.

Все начали шуметь, смеяться. А я сидел и думал: «Нет, тут что-то не так, тут Оля чего-то не договорила».

Шёл я домой и думал: «Оля, конечно, в бога не верит. Но почему же ей такие сны снятся? Теперь старые люди и то не все в бога верят...»

Дома я спросил у бабушки:

— Бабушка, ты в бога веришь?

— Господь с тобой! — ответила бабушка. — Как ты можешь задавать мне такие вопросы, если знаешь, что я член партии с 1922 года!

И потом пожалел, что спросил её об этом, потому что моя бабушка действительно в бога не верит, наоборот, она очень активная бабушка. Она на каждых выборах в агитпункте дежурит, а я поддежуриваю: газеты рас-

кладываю, объявления развешиваю, в общем, бегаю по её поручениям.

А вот во дворе у нас живёт другая бабушка, Василиса Пахомовна, так та в бога верит. Это точно. Я это ещё тогда понял, когда она меня и Павку весной крашеными яйцами угощала. Дома у неё в углу икона висит, а под ней коптилка горит. Сама Пахомовна, говорят, в каком-то соборе служит. К ней даже настоящие попы ходят, бородатые, в длинных юбках.

У Пахомовны-то я и решил всё узнать. Прихожу в воскресенье утром, а у неё в гостях поп сидит, она его чаем поит.

— Ну, с чем пожаловал? — спрашивает Василиса Пахомовна.

— Я насчёт бога к вам, — говорю. — Вы-то, наверно, знаете, есть он или нет его...

Посмотрела старушка на попа, а он блюдечко с чаем отодвинул и ко мне обращается:

— Похвально, отрёк, что господом нашим интересуешься. — А потом говорит Пахомовне: — Обязательно своди его, сестра Василиса, в наш собор, приобщи к вере господней, а для убеждения покажи ему животворную плачущую икону богоматери нашей!

«Этого ещё не хватает, — подумал я. — Мне, пионеру, в церковь ходить?!»

А Василиса Пахомовна говорит:

— Обязательно приобщи, обязательно... Ты, малец, во дворе меня подожди. Я сейчас соберусь и выйду, в собор пойдем.

Выскочил я от неё и тут же хотел сбежать. Но потом подумал: «Нет, отступать не годится. Я — пионер и обязан разоблачать религию. А в бога никто меня верить не заставит. Пойду и всё, чего мне бояться?»

Не прошло и минуты, выходит Пахомовна с попом.

— Идём, — говорят. — На такси съедem — скорее в соборе будем.

— Хорошо, — отвечаю. — Только я позади идти буду, чтобы вам не мешать. (Очень мне нужно, чтобы все видели, как я со «святыми» по городу расхаживаю)

Тут поп говорит:

— Лучше впереди шагай: у тебя ноги молодые, быстрее ходят.

А я удирать и не собирался, и пошёл впереди, и в такси первым вскочил...

Долго мы ехали, пока на окраине не очутились. Заехали во двор, что за собором, и вышли из машины. Василиса Пахомовна посмотрела на батюшку, а потом спрашивает у меня:

— Может, ты для начала благословение примешь?

— А оно не горькое? — спрашиваю. — В пилюлях или порошках?

— Бог с тобой, что ты говоришь?! — всплеснула руками Пахомовна. — До чего дитя тёмное!.. Тебя батюшка крестным знаменем осенит, перекрестит, понял?

— Э-э, нет! — замахал я руками. — Я не за этим сюда приехал. Вы мне сперва докажете, есть бог или нет, а там видно будет...

— Ладно, — говорит батюшка. — Веди его, сестра Василиса, к слезоточащей иконе, а потом уже ко мне приведёшь.

Вошли мы в собор с какого-то чёрного хода. Прошагали через пустынный зал и попали в

небольшую тёмную комнату. Пока глаза к мраку не привыкли, я думал, что пусто в ней, а потом разглядел у стены кучку людей. Ещё через минуту начал я различать на потолке и на стенах разные фигуры. Все они были с крыльями и летали или сидели на облаках, как на перинах. Это, конечно, святые были нарисованы. Тут я и подумал: «Вот насмотришься такого, и ночью тебе не только ангелы, но и черти приснятся». А Пахомовна держит меня за руку, крестится и говорит шёпотом:

— Здесь она, богоматерь наша, слёзы проливает.

— Где? — спрашиваю я и чувствую, как у самого мурашки по спине бегают.

Толкнула меня Пахомовна в толпу бабушек. Бабушки что-то бормочут, а воздух от них нафталином пахнет. Отстранила Пахомовна старушку, что передо мной стояла, и увидел я эту самую плачущую богоматерь. Оказывается, она не живая, а нарисованная, в раме. Глаза у неё большие, печальные, и из них через каждую минутку по слезинке выкатывается. Мне даже немного жалко её стало. Потом я тихонько спросил у одной старушки:

— Бабушка, а бабушка! Как это делается так, что у неё из глаз вода капает?

— Цыть, басурман! — басом прошептала старушка. — Это — чудо! Это — святые слёзы, а не вода!..

«Но ведь откуда-то они берутся, не с потолка же текут», — подумал я про себя. Однако вокруг иконы ничего такого не бы-

ло. Стоял я, стоял, слушал, как старушки бормочут, и скучно мне стало. Вдруг вижу — справа в стене дверь, каким-то ковриком завешена. «Дай, думаю, загляну туда. Может быть, там чудеса поинтересней?»

Пахомовна стоит на коленях, молится, давно обо мне забыла. Я — тихонько к двери. Приподнял коврик и — туда.

Захожу, а там ещё темнее, чем в комнате, где икона плачет. С трудом разглядел маленькую

лампадку. Пока до неё дошёл, два раза падал, шишку на лбу набил. Начал я присматриваться и вижу, что у самой стены какая-то стеклянная банка висит, а в ней вода. «Может быть, здесь лаборатория какая-нибудь», — думаю. И тут я увидел, что у банки внизу кран, а от него две резиновые трубки прямо в стенку уходят. Потрогал я кран рукой и чувствую, что он еле-еле откручен. Я страшно не люблю, когда что-нибудь не до конца сделано, — взял, да и открутил кран полностью. Трубки вздрогнули, выпрямились, и вода в банке стала быстро убавляться. Вот так лучше. Это — работа!.. Вдруг слышу — за стенкой шум поднялся. «Что бы это могло значить? Может, новое чудо? Может, икона заговорила?»

Выбежал я снова в комнату, где икона стоит, и вижу картину: у богоматери из глаз слёзы фонтаном бьют, на метра два каждый, совсем как у клоуна в цирке, и лицо её от этого даже веселей стало, как будто улыбается. А старушки крестятся и воду с платьев отряхивают.

Хотел я обратно побежать, воду закрутить, но тут почувствовал, что меня кто-то крепко

за ухо взял. Овернулся, вижу — Пахомовна. Глаза злые, горят, а сама сквозь зубы цедит:

— Ах, ты, антихрист! Ах, безбожник! Что натворил?! Все твоим родителям расскажу, достанется тебе!..

Я уже не помню, как домой пришёл. Сначала бежал и волновался, даже оглядывался — не бегут ли за мной, а потом смех меня начал разбирать: «Так вот, думаю, как попы чудеса делают».

Дома я, конечно, не стал дожидаться, пока Пахомовна всё расскажет, — сам бабушке всё рассказал. Она покачала головой, улыбнулась и ничего не сказала.

А недавно на сборе звена я делал доклад на тему: «Религия — опиум для народа» и разоблачал все поповские чудеса. Когда о плачущей иконе говорил, так даже на доске схему нарисовал: банку с водой и резиновые трубки, по которым «святые слёзы» в нарисованные глаза текут. Между прочим, Оля Чубасова мне с места всё время подсказывала и поправляла, правильно поправляла, будто сама там бывала.

А что, может быть, она действительно там побывала? Может быть.

Муха на грузовике

На машину муха села —
Покататься захотела.
Повезла машина муху
По дороге, что есть духу.
Веселится муха наша,
Муха крыльшками машет
И стрекочет: «А — ла-ла,
Ну и пыль я подняла!»

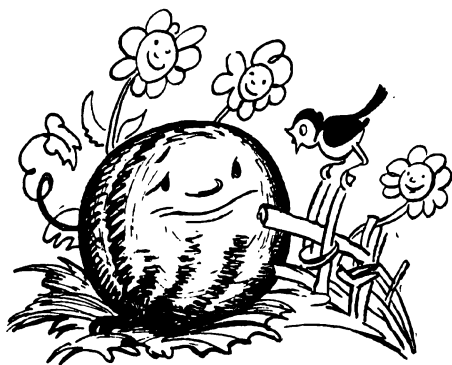
Папа-гриб и дети

Папа-гриб на рынке был,
Шляпы детям раздобыл.
На носочки дети встали,
Чтоб их все в лесу видали.
— Хвастуны, — сказал им
папа, —

Спрячьте лучше эти
шляпы:
Ходит бабка меж дубами —
Попадёте в борщ с
грибами!

На бахче

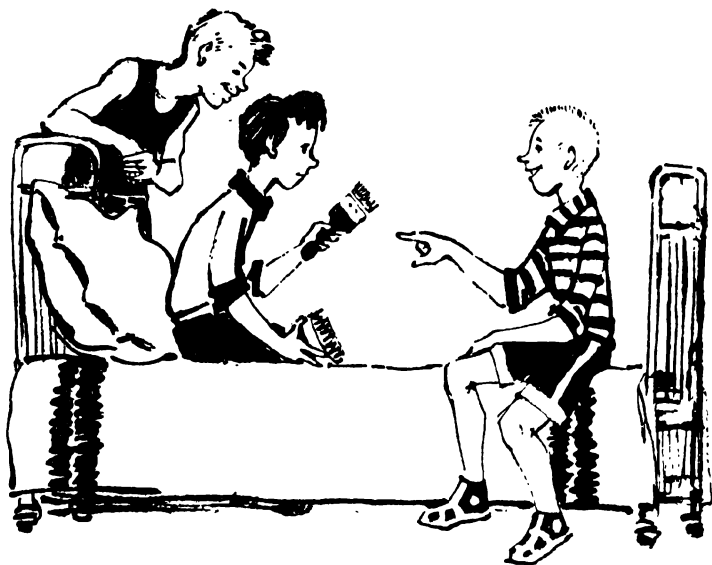

Под горою на плетень
Сел воробышек: «Цзень-
цзень».
Он хотя и карапуз,
Но не прочь бы съесть
арбуз!

Перевёл с украинского
Иосиф КУРЛАТ

Рисунки Г. Ясинского

Весь в отца!

РАССКАЗ

ГЛУПАЯ кличка прилипла к Мите Кудрявцеву уже на второй день после приезда в лагерь. Но она продержалась недолго. На этот раз любители приклеивать ярлычки явно просчитались, попали впросак и теперь готовы были уверять всех и каждого, что они и не думали обзывать Митю «мазилой».

Когда старшая пионервожатая Татьяна Сергеевна предложила ребятам написать о том, какими бы делами они хотели в лагере заниматься, — поступило много записок. Тут были пожелания шахматистов и рыболовов, туристов и ловцов певчих птиц, спортсменов и вышивальщиц, сборщиков ягод и грибов, певцов и танцоров, музыкантов и садоводов. Нашёлся даже охот-

ник, который хотел истреблять волков. А одна девочка высказала желание организовать ансамбль «пионерской берёзки» и поехать на гастроли в Польшу, где живёт её подружка, с которой она переписывается. Удивил Татьяну Сергеевну Митя Кудрявцев. Он проявил особый, повышенный интерес... к малярному делу. «Футбол — это, конечно, хорошо, но красить интересней!» — приписал он в скобках и жирно подчеркнул последнее предложение.

— Что же ты хочешь красить? — спросила его Татьяна Сергеевна.

Она посмотрела вокруг себя, словно поискала глазами какой-нибудь предмет, который бы нуждался в окраске, но ничего

не нашла. Кругом сверкали лаки и эмали, начиная от флагштока на пионерской линейке и кончая ярко пламеневшими пожарными ведрами на белоснежной стене столового павильона.

— Я, право, не знаю, что тебе предложить... — недоумевающе пожала она плечами. — Впрочем, есть одно дело: перекрась, пожалуйста, два щита — один для объявлений, а другой для стенгазеты. Они какого-то неприятного коричневого цвета. Сделай их белыми. Кстати, у меня на подоконнике стоит кем-то забытая большая банка гуаши.

— Это не годится, — сказал Митя.

— Почему? — удивилась Татьяна Сергеевна.

— Гуашь — не масляная краска, слиняет от непогоды. А белый цвет утомляет зрение. На солнце и вообще в ясную погоду на таком щите ничего не прочитаешь — до боли будет слепить глаза, заплачешь... А потом... и щиты белые и бумага белая — сольётся всё.

Татьяна Сергеевна внимательно посмотрела на Митю и одобритительно улыбнулась:

— Я не знала, что ты так разбираешься в этом деле. Ну, что ж, хорошо... Я напишу записку завхозу, чтобы он выдал тебе нужные краски и всё, что полагается. А ты крась по свое-

му усмотрению, как находишь нужным. Пока щиты, а там посмотрим...

Сразу же, как только прозвенел горн на полдник, Митя вскочил с кровати. Он не спал и нетерпеливо дожидался окончания часа отдыха. Быстро развязав свой рюкзак, он достал небольшой целлофановый мешочек.

Сквозь прозрачную оболочку ясно были видны две кисти и маленькая широкая щётка, похожая на сапожную или платяную, но с ручкой.

— Это для чего? Зачем? — заинтересовались ребята. — Неужели привёз с собой, в лагерь, а? Потеха! Вот чудак-то! Покажи хоть...

И они, не спрашивая его разрешения, бесцеремонно вытрянули содержимое мешочка на кровать.

Митя терпеливо дал всем поглядеть и спокойно объяснил:

— Да, привёз. Ну и что? Это мне всё папа подарил. Плоская кисть называется «флейц», а которая вроде щётки — «макловица». Для набивки «под торцы». Понятно?

Все удивлённо промолчали, и никто ничего не понял. Только Сенька Горохов, который имел въедливую привычку говорить презрительно в нос и прибавлять чуть не к каждой фразе «Вот так, понимаешь!», сказал:

— Понятно! Мазила! Вот так, понимаешь!

Митя не обиделся. У него был миролюбивый характер. Да и стоило ли принимать близко к сердцу каждую мелочь?! Но когда Митя явился к ужину с большим ультрамариновым пятном под глазом и голубенькими крапинками, которыми были усеяны его высокий лоб и волосы, дежурная по столовой Нюра Быстрова задержала его. А Сенька Горохов, который дежурил с ней на пару, сказал:

— Мазилы не пройдут! Вот так, понимаешь!

Пришлось идти в гараж к шофёру дяде Косте и оттираться ацетоном, а по возвращении в столовую выдержать придирчиво-строгий обзор бдительных контролёров и уже прилепившуюся кличку: «мазила».

Но щиты были покрашены. Их поверхность, покрытая ультрамарином, казалась такой гладкой; словно к ней и не прикасалась кисть. По краям шла тонкая белая каёмка. К ней очень искусно была пририсована синеватая полоска тени и потому каёмка издали выглядела выпуклой, как багет.

Митя считал эту работу пустиковой, и то, что на неё никто не обратил внимания, несколько его не удивило. Татьяна Сергеевна, правда, похвалила. Но она всем, кто более или менее добросовестно выполнял её поручения, говорила: «Молодец!»

Вслед за покраской щитов появились новые задания: надо было «освежить» эмалью волейбольную судейскую вышку, затем для военной игры потребо-

валось нарисовать на дощечках полтора десятка опознавательных знаков и покрасить руль у шлюпки. Словом, это была мелкая, поделочная, неинтересная работёнка. Она не могла всерьёз увлечь такого прирождённого маляра, каким был Митя Кудрявцев. Но Митя был рад и этому. Он красил... Ребята часто видели его в ветхой, застиранной до дыр и вымазанной всеми цветами радуги куцой футболке. Завидев Митю в этой рабочей спецовке, они отдавали салют и задорно кричали:

— Привет главному мазиле!

Слов нет, это была невесёлая слава.

В один не очень прекрасный день, когда накрапывал мелкий дождичек, в лагерь неожиданно пожаловал санитарный инспектор. Тщательно осмотрев всё хозяйство, сопровождаемый завхозом и начальником лагеря, инспектор дошёл до изолятора. Изолятором был маленький стандартный павильончик с невысоким потолком и лёгкими стенами, покрашенными белой масляной краской. В первой комнате стояли три кровати, вторая комната, совсем маленькая, предназначалась для медсестры. Здесь были стол, стул и подобие буфета, где хранились медикаменты. Изолятор пустовал.

Оглядев его, инспектор спросил:

— Почему не произвели ремонт?

— Ремонт производили в прошлом году, — сказал завхоз.

— Всё кругом свежее, чистое, находится, как видите, в полном и образцовом порядке... — под-

держал завхоза начальник лагеря.

— Я вижу... — строго прервал его инспектор. — По инструкции полагается производить побелку и окраску каждый год.

— Мы думали, что постольку поскольку... — начал было оправдываться начальник лагеря, но инспектор снова прервал его:

— Вам надо было не думать, а действовать согласно инструкции...

Он достал блокнот, написал в нём крупно «изолятор», поставил рядом большой вопросительный знак и сказал:

— Сегодня объездил половину района. Завтра всё закончу и снова буду у вас. Если к моему приезду изолятор не будет отремонтирован и в нём, к тому же, окажется больной ребёнок, то вы понимаете?..

Инспектор молча пожал плечами, словно и сам не знал, что тогда произойдёт. Он сунул свой блокнот в карман, сказал: «Желаю здравствовать!» и отбыл из лагеря.

— Чудное положеньеце! — почесал в задумчивости голову начальник лагеря. — Благодарю покорно! Где мы этому формалисту за сутки маляра найдём.

— Эх! Вот незадача! — вздохнул с досадой и завхоз. — Я бы и сам сделал. Десять квадратных метров площади — подумаешь проблема! Да ведь вы знаете, Андрей Петрович, — сказал он начальнику лагеря, — лес мне надо вывозить, а то в новом году опять без клуба останемся.

Словом, положение создалось не из приятных. Стали думать и гадать — как своими силами

разделаться с этим ремонтом, который свалился как снег на голову. И тут вдруг неожиданно завхоз вспомнил про Митю Кудрявцева.

— Есть маляр! — закричал он обрадованно. — Честное пионерское, есть! Толковый паренёк! Настоящий маленький мастер!

И завхоз рассказал начальнику лагеря о Кудрявцеве.

Через десять минут Митя с деловым и сосредоточенным видом придирчиво оглядывал изолятор. Постучав по стенкам, шаркнув несколько раз метлой по потолку, отколов с подоконника краску, он сказал:

— Справлюсь за день. Но нужен один подсобник на чёрную работу. — И, лукаво улынувшись, он назвал имя Сеньки Горохова. — Только прикажите, Андрей Петрович, чтобы Сенька слушался меня беспрекословно.

Завхоз оказался запасливым хозяином. В его кладовой удалось обнаружить две килограммовые банки зелёной масляной краски, около двадцати коробок сухих белил, литр сиккатива и даже несколько четвертушек отличного Тихвинского живичного скипидара.

Митя внимательно проверил качество материала, пять коробок сухого пигмента забраковал — дата выпуска была двухгодичной давности, а к остальному отнёсся весьма снисходительно и сразу же отдал распоряжение своему подручному:

— Значит так, Сеня. Пока я буду готовить тут краску, ты натаскаешь в ведре с дровяного склада опилок и густо засыпешь площадь пола всего

объекта, затем оботрёшь сыроватой тряпкой стены, окна и подоконники. Ясно?

— Ясно! — повторил Сенька и мрачно прибавил: — Зашьёшься ты, мазила, с этим делом. Но уж ладно, я помогу, раз меня сам Андрей Петрович просил. Я не гордый. Вот так, понимаешь!

И, взяв ведро, он отправился за опилками. Но на каждом шагу останавливался и объяснял всем встречным ребятам, что он получил от самого начальника лагеря специальное особое задание, чтобы выручить Митьку-мазилу, который без него, Горохова, зашётся, а тогда будут такие неприятности всему руководству, что, может, даже лагерь закроют. Вот какое дело!

Между тем у Мити работа уже кипела. Растворив в скипидаре сухие белила и добавив к ним килограмм светло-зелёной краски и полтюбика «парижской сажи», Митя получил приятную блёкло-салатного тона краску. Тщательно размешав всё это в жестяном ведёрке, он закрыл его плотно газетой и отставил в сторону. Первым делом предстояло промыть потолок тёплой мыльной водой. Тут уж пришлось подмастерью Сеньке Горохову не раз прогуляться на кухню за кипятком. Наконец пол был густо засыпан опилками, стены и окна обтёрты мокрой тряпкой и потолок промыт на совесть. Пока он сох, друзья получили возможность пообедать. После обеда Сенька решил было «смыться», жалуюсь на «смертельную» усталость, боль в ногах и пояснице. Он требовал законного послеобеденного от-

дыха. Но Митя был непреклонным и пристыдил Сеньку.

— Задание же боевое, оперативное! Пойми ты! — говорил он взволнованно. — Кончим дело, тогда и отдохнём на славу.

Перед полдником, когда все ребята отдыхали в своих спальнях, маляр и его подручный начали побелку потолка. Работал, собственно, в начале один Митя, а Сенька только стоял, позёвывающая и придерживая стремянку, да время от времени, приняв от Мити кисть, нехотя и лениво обмакивал её в меловой раствор. Но когда, покончив с потолком, Митя начал красить стенку, Сенька оживился. Он уже не зевал, а не отрываясь наблюдал за Митей с возрастающим интересом. А смотреть и в самом деле, как говорится, было любо-дорого! Маленькая ловкая рука Мити быстро и, кажется, без всяких усилий, вела кисть то вдоль, то поперёк стены, накладывая уве-

ренные сочные мазки, потом энергично растирала их в стороны и, наконец, легко и изящно, словно лаская стену, проводила сверху вниз ровный шлейф.

Сенька видел, что «мазила» работает ловко и умело. Не хотелось только это признать. Но оставаться равнодушным уже было невозможно. Сеньке прискучила однообразная никчёмная работа подручного: то краску помешай, то подлей в неё скипидара, то плесни чуток сиккатива, то опять помешай... и так без конца. Тоска! И вот Сенька стал приставать к Мите:

— Слушай! Дай покрасить! А? Дай, я тебе говорю! Что в самом деле! Я тоже могу... Вот так, понимаешь!..

Но Митя, не прекращая красить, спокойно уговаривал своего подручного:

— погоди! Скоро эту полоску кончу, тогда и включим наш конвейер...

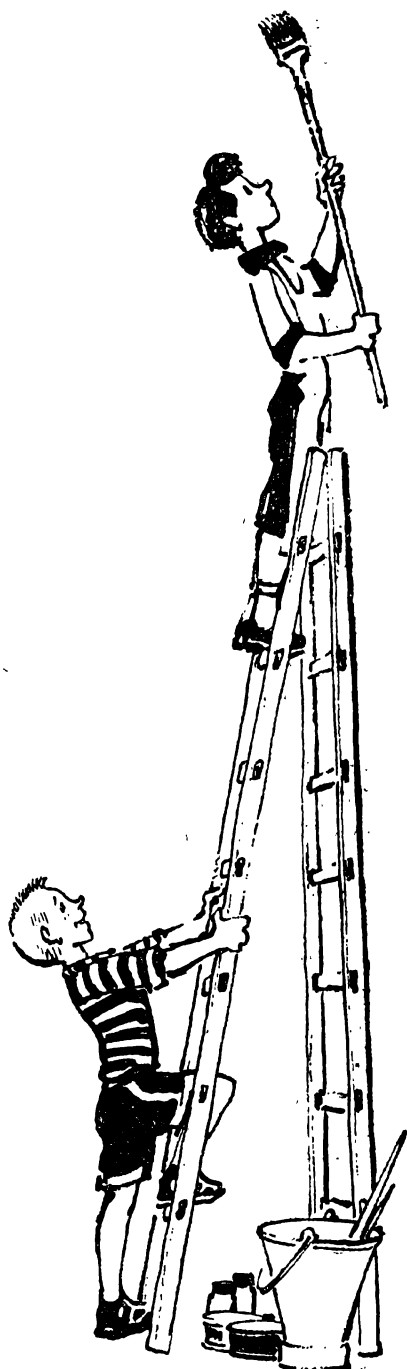
— Конвейер? Что за конвейер? — удивился Сенька.

— А вот увидишь... Я буду красить, а ты за моей рукой пойдёшь по пятам с макловицей — будешь набивать красочку...

Сенька, зная макловицу, уже вертел её в руках и так и сяк, пытаясь приноровиться к набивке.

— Сейчас! Сейчас!.. Не лезь раньше времени, — отстранял его руку Митя.

Наконец Митя дошёл до подоконника и остановился. Затем взял в руки макловицу и показал Сеньке, как надо набивать ровными прямыми одинаковой силы ударами, не смазывая крас-

ку, быстро, чётко и без пропусков.

Сенька оказался на редкость понятливым подмастерьем, и вскоре они уже успешно работа-

ли вместе. Правда, кое-где Мите пришлось потом подправлять, но уж ничего не поделаешь — и опыт и сноровка приходят не сразу.

К вечеру, перед самым ужином, работа была кончена. Митя и Сенька, возбуждённые, вспотевшие, усталые, густо измазанные краской, как заправские маляры, пошли под душ отмываться. А когда все ребята улеглись спать, в изолятор пришла уборщица тётя Маша и навела на паркетном полу такой блеск, что пол засиял, как зеркало.

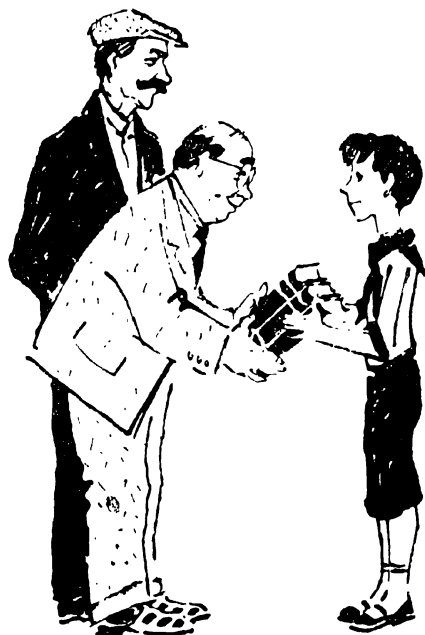
На другой день ранёхонько утром появился санитарный инспектор. Он был очень удивлён тем, что увидел, но скрыл это от окружающих. Он охотно подписал акт, дав высокую оценку санитарному состоянию лагеря, и, уже прощаясь у калитки с завхозом, сказал ему:

— Где это вы, милейший, на скорую руку подцепили такого умельца-мастера? Изолятор сработан мастерски. Видна рука большого специалиста. На пятёрку с плюсом. Да-с!

— Понравилось?! — удовлетворённо заметил завхоз и махнул рукой в сторону спортивной площадки, где Митя в этот момент догонял уходящий в аут мяч. Отсюда издали маленькая фигурка маляра казалась совсем миниатюрной.

— Вон наш умелец! — сказал с гордостью завхоз. — Полюбуйтесь! Наверно, не ожидали?

— Смеётся! Шутники! — ехидно заметил инспектор. — Так я и поверил! У детишек до такой работы ещё нос не дорос. В город за мастером сгоняли. Не

пойму только, как это вы успели?! Прить, признаюсь, удивительная. Ну, что ж... Желаю здравствовать!

Вокруг изолятора всё время вертелись ребята — любопытные. Они заглядывали в окна, пытались проникнуть внутрь помещения, всё осмотреть, а если не заметят, то и потрогать... Но завхоз предусмотрительно выставил надёжную охрану из ребят первого отряда.

Пришла и Татьяна Сергеевна. Всё осмотрела, любуясь... Удивлённо покачала головой, спросила:

— А где же главный мастер? Митю позвали.

— Ну, я считаю, что ты просто настоящий молодец! — сказала она и ласково потрепала его по плечу. — Но только где же ты этому научился?

— А у меня папа маляр, — сказал Митя и достал из карма-

на спортивной курточке новенькую фотографию. — Вот посмотрите: отец в самом центре... Это—бригада коммунистического труда. Они, знаете, где сняты? На лесах под плафоном театра оперы и балета. А сейчас отец в Москве. В самом Кремле работает. Ох, красота у них там, наверно, работка! Фасонная! — прибавил он и восхищённо прищёлкнул языком.

Татьяна Сергеевна перевела взгляд с фотографии на Митю. Большелобый и круглолицый, с бесцветными, словно выгоревшими глазами и мягкой, чуть застенчивой улыбкой, он выжидательно поглядывал на Татьяну Сергеевну и, кажется, не сомневался в её одобрении.

— Весь в отца! — сказала Татьяна Сергеевна. — Точная копия! Что ж, Митя Кудрявцев, можешь смело этим гордиться!

И она крепко пожала его руку.

На другой день, красиво обрамлённый цветными рисунками, на доске появился приказ начальника лагеря с благодарностью Мите Кудрявцеву и Сене Горохову. А к вечеру в лагерь вернулся завхоз, который специально ездил в город, чтобы привезти назначенные в приказе премии. Они были вручены в торжественной обстановке на вечерней линейке. Трёхтомник Пушкина — мастеру и однокласснику — подмастерью с надписями «За самоотверженный труд».

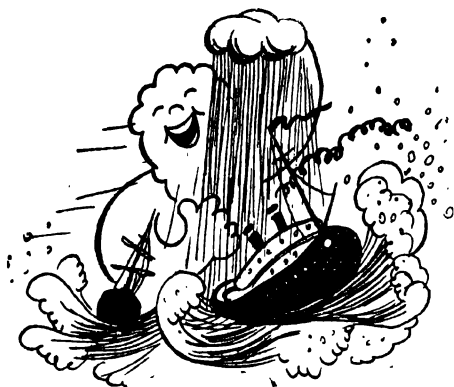
Больше всего гордился приказом и премией Сенька Горохов. И даже теперь, спустя почти год, о чём бы ему ни пришлось рассказывать, вспоминая прошедшее пионерское лето, он неизменно начинает так:

— Это всё чепуха! Вот когда нам с Митей пришлось красить изолятор, — тут, я вам доложу, ребятишечки, было дело!.. Вот так, понимаешь!

Шторм на море

Рис. Г. Ясинского

Мылся в море великан.
Великан из дальних стран
Мыла целый магазин
Израсходовал один.
Прямо в нас швырял он мыло,
Мыло пенилось и плыло,
Мыло море побелило,
Море злилось и бурлило.
Рассердил его буян —
Чистоплотный великан.
Он испортил нам погоду,
Парходам не дал ходу,
Поднял волны нам на горе,
И под баню занял море.
Мылся день и мылся два,
Успокоился едва.

Рис. А. Илючека

Ресвятан-
октябратан

Книжки

У папы книжка,
У Миши книжка,
У папы и Мишки
Книжки под мышкой.
Папа и Миша
Книжки листают,
Папа и Миша
Книжки читают.
В Мишиной книжке
Картинок не счесть,
Мишину книжку
Нетрудно прочесть.
Здесь про жирафу,
А здесь — про мартышку,
Очень понятная
Мишина книжка.
В папиной книжке —
Ни льва, ни лисицы.
Чёрные строчки
На каждой странице.
В книжке большой
Ничего не понять.
Как без картинок
Книги читать?

Л о с ё н о к

Из-за тёмных ёлок
и сосёнок
Вышел на прогалину
лосёнок.
Вышел...
и застыл,
насторожась,
спичечными ножками дрожа.
Может быть,
лосёнка
в ясный день
напугала
собственная тень?

Б у р у н д у к

Присел
на ивовый сучок
лесной зверёк —
бурундучок.
Он самый крохотный
в лесу;
с листа,
как с блюдца,
пьёт росу...

М у р а в е й

Муравей —
весь в глине и пыли
отдыхает
меж корнями пня.
Он из норки
на исходе дня
вылез,
как шахтёр,
из-под земли.

Рисунки А. Илючека

Ромка-артист

Р А С С К А З

В ДЕРЕВНЮ приехала актёрская бригада в красочном автофургоне, с ящиками, чемоданами и множеством всяких декораций. Актёры, почти все молодые, в помятых плащах, с хохотом прыгали с машины, передавали по цепочке ящики и чемоданы и шумно, на всю деревню, разговаривали. А деревенские притихли, робко приглядывались к ним и долго не решались подходить.

На ночь актёров разместили в просторной избе Спиридоновых, а с утра в клубе уже толпился народ: сновали ребята, колхозные плотники сколачивали на сцене перегородки, развешивали декорации.

На огромном, во всю сцену, заднем полотне в дымке розовели острые и непривычные крыши домов, и вдаль уходила кривая улица, мощёная и узкая. Это была «заграница», она тревожила своей непохожестью, возбуждала острый интерес к предстоящему спектаклю.

Ребята быстро подружились с актёрами, водили их в лес и на речку. А поближе к вечеру чуть не вся деревня была уже возле клуба — спектакль был шефский, бесплатный, важно было первым проникнуть в клуб и занять лучшие места.

Часа за два до начала из клу-

ба попросили всех выйти. В помещении остались одни актёры, и в окна можно было видеть, как идёт последняя репетиция: актёры, неузнаваемо переодетые и странно накрашенные, выбегали на сцену, возводили руки и возбуждённо ходили, что-то говоря друг другу, но что — с улицы не было слышно.

Потом из клуба вышел руководитель бригады — режиссёр Сагайдачный, румяный, беловолосый и полный человек с чёрными смешливыми глазами и огромными бровями. Он так ловко двигал ими, сближал и разводил, поднимал то одну, то другую, что казалось, будто это мыши дрались: наскикивали друг на друга и отлетали. Ребята покатывались со смеху.

Дядя Митя — так звали его актёры — вышел на крылечко и внимательно посмотрел на толпившихся ребят. Указательным пальцем, на котором красовался крупный зелёный перстень, изображавший спящую змею, он поманил их к себе. Ребята бросились к нему, уже готовые смеяться, но дядя Митя молча и пристально посмотрел им в глаза, и те сразу же выжидающе умолкли.

— Кто из вас хочет быть артистом, признайтесь?

Ребята опасливо переглянулись и потихоньку отступили.

— А ничего не будет за это? — робко спросил кто-то.

— Кроме славы — ничего! — улыбнулся дядя Митя. — Но это, уверяю вас, немало. Актёру это важнее хлеба.

— Я! — подал тогда голос самый маленький из ребят — Данька Ермолаев.

— Я! Я! Я! — загалдели и другие, и вокруг дяди Мити началась настоящая свалка: ребята напирали, стаскивали друг

друга со ступенек и кричали. В свалку полезли даже девчонки, а Нюрка пробилась к нему, схватила за руку и умоляюще уставилась в глаза.

Дядя Митя строго и насмешливо посмотрел на ребят.

— Мне нужен мальчик и только один, а вас целый миллион. — Ребята стихли, жадно и нетерпеливо глядя на режиссёра. — Тогда я выберу сам. — Чёрные глаза его задумчиво переходили с одного ребячьего лица на другое.

— Ты, — ткнул он в Ромку. — У тебя как раз то, что нужно: нос — крючком, глаза — волчком. Вполне сценическая внешность. Согласен?

Ромка не был согласен с «крючком» и «волчком», но жажда славы оказалась сильнее, и он стремительно ворвался в клуб, сопровождаемый завистливыми криками: «Крючок! Волчок!» Но сердце, затронутое

краешком славы, эти крики уже не задевали.

Роль у него оказалась несложной. Когда открылся занавес и начался спектакль, а в жарком клубе, набитом колхозниками, установилась тишина, на сцене появился чумазый паренёк с подведёнными голодными глазами и бледным, измождённым лицом.

— Ромка! — пронёсся по залу приглушённый шёпот, и ребята, стиснутые взрослыми, стали тянуться вверх. — Ой, Ромка! Ромку нашего не узнать!

Ромка крался за толстым человеком в котелке и, когда тот зазевался, ловко вытащил у него из кармана носовой платок.

А в следующей сцене Ромка сидел на куче тряпья и забавлялся со щенком. Это был не настоящий щенок, а только чучело, и все это видели, и только один Ромка делал вид — вот пётеха! — что это живой щенок, подзывал его к себе, и щенок, наверное, это был фокус, не иначе, каким-то странным образом подползал к нему и тыкался мордочкой в руки.

Но, слыша в зале недоверчивый смешок, Ромка и сам, наверное, перестал верить, что это настоящий щенок, и начал недоуменно глазеть в публику. Вон маленький Данька Ермолаев ёрзает на коленях у матери. А вон Ворона с подоконника корчит гримасу. А вон и соседка Нюрка — та, что рвалась к дяде Мите и просилась взять её на сцену. Она даже встала и часто-часто показывала рукой на себя — о чём-то, видно, просила.

Тогда Ромка схватил щенка

за хвост и стал им размахивать, приглашая ребят на сцену. Славы у него было так много, что он хотел поделиться ею с другими.

В зале раздались смешки, а Ромка всё больше и больше старался, и только актёры — те, что по пьесе играли мать и отца, ничего не понимали и продолжали говорить, думая, наверное, что публика смеётся их словам, хотя, собственно, что же в них было смешного?

И вдруг отец, — тут он, наверное, понял, почему смеются, — подошёл к Ромке, швырнул щенка за кулисы, взял мальчика за ухо и сказал, словно так полагалось по пьесе:

— И без тебя тошно! Сколько раз говорил я тебе, не мучай бедную тварь. Марш!

И дал ему пинка — это был уже настоящий, а не театральный пинок, от которого Ромка оказался за кулисами, в объятиях дяди Мити.

И пока в клубе после шумного хохота установилась, наконец, тишина, и спектакль, как полагается по пьесе, продолжался дальше, и отец, как ни в чём не бывало, разговаривал с матерью, дядя Митя, обняв всхлипывающего Ромку, расхаживал с ним по пыльному закулисному чулану и приглушённо говорил:

— Это бывает, дорогой. Даже с большими актёрами случаются казусы... Дело в том, что актёр должен на время забыть, что у него есть другая жизнь, кроме той, что в пьесе. Надо забыть о том, что в публике — знакомые и друзья. В первой сцене ты был великолепен.

Что же случилось со щенком?

— Что? А то, — сказал Ромка, — Нюрка стала просить — дай поиграть. Ну я и позвал её.

— Отлично! А Нюрка, наверное, твоя приятельница? Станиславский, а это был очень большой артист, говорил: режиссёр должен умереть в актёре. Но и актёр должен раствориться в своей роли, не правда ли? Ты со мною согласен? — Ромка кивнул головой. — Я так и думал, что ты поймёшь меня. Вот и со мной однажды...

И тихо-тихо, присев на стул в дальнем углу кулис, задумчиво посматривая на спящую зелёную змею, рассказал Ромке о том, как однажды, во время войны,

перед спектаклем он узнал, что погибла его дочь...

— Нелегко мне было сыграть свою роль, но что же оставалось делать? Заменить было некому, и я играл, и зрители ни о чём не догадывались.

Ромке по пьесе больше уже не надо было выходить на сцену, и на этом кончилась его первая в жизни роль.

А на следующее утро актёрская бригада уехала в Погаровский район, и больше Ромка уже не встречался с дядей Митей. Но за мальчиком долго ещё ходила слава артиста и долго ещё взрослые, встречаясь с ним, спрашивали:

— А ну-ка, расскажи, как ты бедную тварь мучил, а потом пинка получил?

А ребята, когда повздорят, бывало, и обозлятся на Ромку, дразнили его «артистом». Но Ромка не обижался и молча сносил насмешки. Он вспоминал дядю Митю: думал, что артисту бывает больно, даже очень больно, только никто не должен об этом знать.

* **КАЖДЫЙ** из вас, конечно, читал и полюбил книги ленинградского писателя Льва Васильевича Успенского: «Шестидесятая параллель», «Мифы древней Греции», «На сто одном острове», «За семью печатями».

Но все ли знают, что, прежде чем стать писателем, Лев Васильевич был землемером и моряком, педагогом и художником, лесничим и военным корреспондентом?

Лев Васильевич Успенский ещё и следопыт! Следопыт русского языка. Он сумел найти интересное и полезное там, куда раньше не заглядывал пытливый глаз писателя. Увлекательно и интересно рассказал он об этом в книге «Слово о словах».

В этом номере мы печатаем главу из новой книги Л. В. Успенского «Ты и твоё имя».

*

Лев Успенский

Рисунки Р. Костылёва

Отчества явные и «тайные»

*Наши Вичи
Едят куличи...*

(Поговорка)

АЛЕКСАНДР ФИЛИППЫЧ И НАПОЛЕОН КАРЛЫЧ

ВСЕ помнят превосходный довоенный фильм «Цирк». Там есть трогательная сцена: молодой циркач разбился во время смелого, но неудачного упражнения; его подруга, американская артистка, в отчаянии ломает руки над неподвижным

телом: «Петрович! Петрович! Что с тобой?» — лепечет она.

Мы, русские зрители, смахнув слезу умиления, не можем всё же удержаться и от улыбки: вот ведь чудачка иностранка! Ну можно ли юношу звать «Петровичем»? Юноши бывают «Пети»,

«Петечки»; «Петровичи» совсем не так выглядят...

А как?

«Сначала он назывался просто «Григорий» и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он стал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик...»

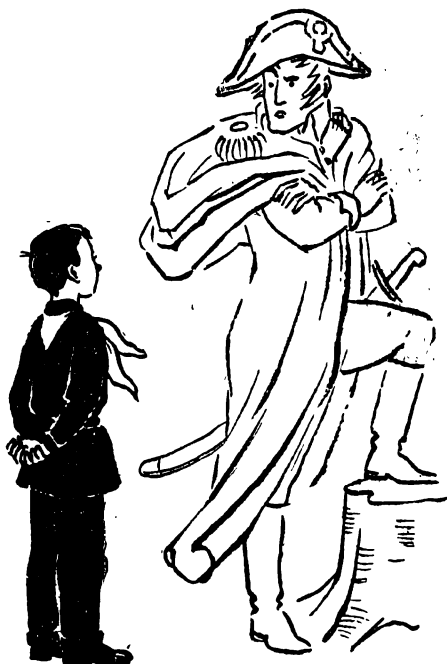
Вот это — настоящий «Петрович»: у него, по свидетельству Н. В. Гоголя, небритые щёки, единственный глаз и какой-то изуродованный ноготь на большом пальце ноги, толстый и крепкий череп. Он женат, мрачен и лет ему за сорок. Именно такими бывают Петровичи, Савельичи, Анкудинычи... Как могла не понимать этого милая героиня «Цирка?»

Очень естественно. В одном из самых солидных французских энциклопедических словарей до недавнего времени можно было прочесть: «Иван IV — русский царь, прозванный «Васильевичем» за свою жестокость...»

Возможно ли это? Безусловно, да!

Дело в том, что французу (как и англичанину) нелегко понять, зачем нам нужны наши «отчества» и что они обозначают; ведь на Западе ничего подобного нет.

Наполеон Бонапарт удивился бы несказанно, если бы кто-либо почтительно назвал его «Наполеон Карлович». «Что вы?

Я же корсиканец, а не русский!» А ведь отец у него действительно был Карл. Скажете «Александр Македонский» — каждый поймёт: это — славный полководец древности. Но произнесите: «Александр Филиппыч Македонский», и у вас спросят: «А где он живёт?» Раз у человека есть отчество, раз его зовут с «вичем», значит, это наш, русский...

Выходит, «отчество» — чисто русское изобретение; так думают на Западе, так думаем и мы сами. Но справедливо ли это?

ВОЛЬКА-ИБН-АЛЁША

Вы читали книжку писателя Лагина «Старик Хоттабыч»?

Случилось чудо: школьник Костыльков открыл старую бутылку, и оттуда выскочил длин-

нобородый старец в пёстром халате; настоящий восточный джин. Возникло некоторое замешательство; затем спасённый и спаситель приступили ко взаимному ознакомлению.

Освобождённый дух отрекомендовался длинно и сложно: «Гассан-Абдуррахман-ибн-Хоттаб», — произнёс он, стоя на коленях.

Пионер Костыльков буркнул, наоборот, с излишней краткостью: «Волька!»

Удивлённому старцу этого показалось мало. «А имя счастливого отца твоего?» — спросил он. И, узнав, что отец у Вольки — Алёша, начал именовать своего новообретённого друга так: «Волька-ибн-Алёша».

Даже глупец (а Волька-ибн-Алёша отнюдь не был глуп!) сообразил бы после этого, что «ибн» по-арабски — «сын». И вполне естественно, что Волька стал звать своего джина «Хоттабычем». «Ибн-Хоттаб» — это «сын Хоттаба», а «сын Хоттаба» и есть «Хоттабыч». Логика безупречная! Так русский мальчишка и арабский джин обменялись свойственными их языкам «патронимическими» обозначениями — отчествами.

Оба они были людьми сообразительными, но не вполне осведомлёнными, не лингвистами, во всяком случае. Гассан Абдуррахман, например, не знал, что «Алёша» обозначает «Алексей» и что, кроме имени, у человека может быть ещё и фамилия. А Волька Костыльков даже не подозревал высокого смысла тех арабских имён, которые он столь небрежно отбросил. Ведь

«Гассан» — это нечто вроде «Красавчик», слово «Абдуррахман» пишется в три приёма — «Абд-ур-рахман» и означает «раб аллаха всемилостивого», а «Хоттаб» следует переводить как «учёный мудрец, способный читать священное писание».

Однако дело не в этом; главное они поняли. И арабское «ибн» и русское «вич» имеют один и тот же смысл, — значит, «сын такого-то». Очевидно, отчества разного типа существуют не только в России; пользуются ими и другие народы. А зачем?

Вообще говоря, это просто. Разве не почётнее иметь отца-лётчика, чем сына-первоклассника, даже если этот первоклассник семи пядей во лбу? Люди в простоте своей склонны думать, что у жёлудя больше оснований гордиться отцом-дубом, чем у дуба — чваниться сыном-жёлудем. Жильцы того московского дома, где жила семья Ко-

стыльковых, тоже, наверное, полагали, что скорее мальчишка Волька принадлежит своему почтенному отцу Алексею Ивановичу (или Владимировичу, неизвестно ведь, как его звали), чем наоборот. А так как подобные мысли приходят людям в голову всегда и всюду, то в мире и возник давным-давно обычай: обращаясь к сыну, уточнять его имя именем его отца. Наряду с отчествами явными бывают другие, «тайные», их не каждый умеет замечать.

РАСПРЕБЕШЕН НЕВПОПАДОВИЧ

У ГРЕКОВ было много имён, звучавших по-разному: Перикл, Одиссей, Приам, Гектор и Фемистокл, Сократ и Платон. Но среди этих имён выделяются имена одного типа, кончающиеся на «ид» или «идэс», Леонид (Леонидэс), Аристид (Аристидэс), Эврипид (дэс), Фукидид (дэс).

Встречая ряд имён с одинаковым окончанием, мы, естественно, начинаем подозревать: что это окончание да значит; не понапрасну же оно так упорно повторяется. Обычно так и бывает.

Если рядом сō Святославом мы видим и Ярослава, и Мечислава, и Вячеслава, и Владислава, можно сказать с уверенностью: это «слав» имеет определённый смысл. Так оно и есть: «слав» значит, «славный», «слава».

Находя во множестве немецких имён слог «ольф» или «вольф» (а иногда «ульф» и

«вульф»: Руд-ольф, Ад-ольф, Вольф-ганг, Арн-ульф), мы быстро докапываемся до истины: эти «ольф», «ульф», «вольф» значат: «волк», «волчий». Что же может означать в древнегреческих именах окончание «-ид» (или, как его произносили сами греки, «идэс»)?

Может быть, было бы не так уж легко узнать его значение, если бы оно дошло до нас только в самих личных именах. Но мы постоянно встречаем и его и некоторые другие, похожие на него окончания не в именах, а в словах, означающих ту или иную степень родства, отцов и детей, предков и потомков.

У царя Даная было пятьдесят злополучных дочерей, каждая из них убила, по приказу отца, своего мужа тотчас после свадьбы. Несчастные данаиды обречены были за это в царстве Плутона наполнять водою бездонную страшную «бочку Данаид». Слово «данаиды» — значит «данаивны», — «дочери Даная».

Дочь Тантала Ниоба так гордилась своими детьми, что разгневанные боги уничтожили всё её потомство. «Ниобиды» — дети Ниобы — до сих пор вдохновляют художников и поэтов своими страданиями.

Сыновей Геракла греки звали Гераклидами. Царь Египетский Птоломей, сын Лага, известен в истории под именем Птолемея Лагида. Потомки Селевка, одного из военачальников, прославились в Азии династией Селевкидов. Теперь вам ясно, что означает греческий суффикс «идэс»: он очень точно соответствует на-

шему «вич». «Ид» — значит, «сын», «дитя» такого то.

Что же получается? Очевидно, в древней Греции употреблялись и такие имена, которые сами в себе содержали уже признаки отчества: Леонидэс было именем спартанского героя, но значило-то оно не Лев, а Львович, сын Льва. Эврипид — сын Эврипа... Вообще говоря, довольно удобно — имя и отчество в одном слове.

Допустим такие своеобразные сочетания были. Но существовали ли в Греции также и «отчества» в нашем смысле; был ли там обычай не только звать сына его собственным именем, но и «величать» его ещё именем отца?

Безусловно был. В гомеровской «Иллиаде» хитроумный Одиссей-Уллиз, наряжая в караул своих воинов, строго-на-строго приказывает им быть с каждым встречным учтивыми,

именовать любого грека по имени и отчеству.

Греческие историки сохранили нам рассказ о том, как уже не легендарный, а реальный воин, флотоводец Никон, разбитый возле Сиракуз, побуждая своих «капитанов» к сопротивлению, обращался к ним, чтобы пробудить в них гордость, тоже по именам-отчествам.

Больше всех своих героев старец Гомер уважает и любит сурового Ахилла: говоря о нём, он то и дело называет его «Ахиллес Пелеидэс», «Ахилл Пелеевич»: ведь отцом грозы троянцев — Ахиллеса был старец Пелей.

Можно сказать даже больше: как мы, русские, делаем порою наше отчество из почётной добавки к имени самостоятельным и дружеским обращением, употребляя его само по себе, без самого имени — «Петрович», «Фомич», «Савельич», — так и эллины применяли свои отчества

в дружеской беседе в самом простецком и фамильярном роде.

Языковед и журналист прошлого века Осип Сенковский, более известный под курьёзным псевдонимом «барон Брамбеус», очень сердился на современных переводчиков, которые, переводя поэмы Гомера, оставляют без перевода имена и отчества его героев. Сенковский утверждал, что все эти непонятные для нас «звучные» и торжественные обращения — Зевс Кронид, или Зевс Кронион, Агамемнон Атрид, Гектор Приамид — только сбивают русского читателя с толку. Читатель начинает считать Гомера напыщенным певцом шлемоблещущих воинов, тогда как на самом деле, по мнению Сенковского, он сочинял свои произведения в совершенно ином, ничуть не высокопарном духе.

«Греческое «идэс», — настаивает Сенковский, — в точности равнозначно нашему — «вич»; точно так же их «-ион» соответствует украинскому «отчеству» «-енко». И только искажает правду тот, кто пишет, будто Афина, дочь громовержца Зевса, называла его в олимпийских беседах торжественным «Кронид». Она обращалась к нему совершенно запросто, примерно так:

«Ты посмотри-ка, мой Кроныч, на этих неистовых греков. Что они делают там — обрати-ка внимание, Кроненко!..»

Именно так, — утверждает он, — в этом, далеко не торжественном стиле должны были воспринимать такие речи слушатели Гомера: для них-то ведь

«Кронид» действительно звучало, как для нас «Кроныч».

Сенковский шёл и дальше. Ему хотелось доказать, что Гомер писал вовсе не пышные героические картины; нет, он был-де большим шутником; он весело издевался над историей давних войн. Вы не верите этому? Да ведь стоит перевести на русский язык имена его самых прославленных героев. В наших ушах они звучат суровым медным звоном старины: Агамемнон Атрид, Клитемнестра Тидареида, Орест Агамемнид, Гектор Приамид. Но ведь это лишь потому, что мы их не понимаем, не знаем, что они значили для самих эллинов. Так француз или англичанин может счесть очень звучными и красивыми фамилии Скотинина или Простакowej, не зная их значения в нашем языке.

А каково же было это значение?

Агамемнон Атреидес, — радуется Сенковский, — значит Распребешен Невпопадович, Клитемнестра Тидареида — по-гречески это — Славноприданиха Драчуновна, Гектор Приамид — Шестерик Откупщикovich. Вам нравятся, — злорадствует он, — такие пышные имена, как Орест, Ифигения? Но ведь Ифигения в греческом понимании — это «толстоподбородиха», Орест — «грубиян», «дикарь», а, скажем Калипсо, богоравная нимфа, — просто «тайная кокетка»... Хорошо?

Оставим «барона Брамбеуса» с его изысканиями; пусть согла-

шают или не соглашаются с ним знатоки греческого языка и литературы; одно у него бесспорно: у греков были такие же отчества, как у нас, и пользовались они ими тоже совсем по-нашему.

НА ТЫСЯЧУ ЛАДОВ

МОЖНО почти поручиться, что вы слышали слово «макинтош». Правда, теперь оно вышло из моды, но всё-таки большинство помнит: «макинтош» — это непромокаемый плащ. Гораздо меньшее число людей осведомлено, почему плащу дано такое странное имя и откуда оно взялось.

Пожалуй, вы сочтёте за насмешку, если я скажу вам, что перед вами не имя, а скорее отчество.

Загляните в любой хороший энциклопедический словарь: вы наверняка найдёте в нём такое

примерно сообщение: «Мак-Интош, Чарльз, шотландский изобретатель-химик. Прославился изобретением непромокаемой ткани из двух слоёв материи, соединённых каучуковым раствором. Плащи, изготовленные из такой прорезиненной ткани, известны под именем макинтошей».

Это верно, но причём же тут «отчество»? А вот причём. На соседних страницах энциклопедии вы найдёте великое множество фамилий, начинающихся, как и фамилия изобретателя плаща, со слога или приставки «Мак»: Мак-Гахан, Мак-Дуэлл, Мак-Доннэл, Мак-Каллум, Мак-Карти, Мак-Кинлей, Мак-Клеллан, Мак-Клинтон, Мак-Клор, Мак-Коннел, Мак-Кормик, Мак-Кой, Мак-Куллах, Мак-Ленан и так далее без конца. История Шотландии полна всевозможными «Мак»-ами. В большинстве своём фамилии эти кажутся нам совершенно непонятными; но вот одна из них — Мак-Дональд —

явно заключает в себе мужское имя — «Дональд». Можно сказать, что и большинство остальных построены так же: тому или другому имени, обычно старошотландскому, предшествует своеобразная частица Мак.

Что она означает? Не что иное, как «сын» Мак-Дональд — сын Дональда, и Мак-Интош — сын Интоша. Иначе говоря, мы видим перед собою типичные наши «-вичи», только, так сказать, перемещённые: наш «-вич» следует за именем отца, а шотландский «мак-» ему предшествует. Кроме того, наше отчество добавляется к имени, а шотландское, как мы видим теперь, заменяет собою фамилию. Впрочем, ведь это бывает и у нас: мы часто говорим, особенно про известных людей, про музыкантов, художников, писателей: Александр Иванов, Аполлон Григорьев, Сергей Прокофьев. Встречаются и такие сочетания: Феофан Прокопович, Дмитрий Григорович. Стоит переставить: Вичпрокоп, Вичгригор, и всякая разница между шотландским и русским отчеством сотрётся.

Шотландия лежит на севере Англии; к юго-западу от Англии расположена Ирландия, населённая народом, близко родственным шотландцам. Языки тех и других сходны. Но в Ирландии место северного «мак» занимает своя приставка «о». Тамашнему Мак-Коннеллу соответствует здешний О-Коннел, О-Брайен, О-Лири, О-Доннавэн — вот характерные ирландские фамилии, и каждая из них, в свою очередь, является фамилией-отче-

ством: О-Коннел — это «Коннеллов», то есть опять-таки сын Коннела.

100 КРОН ЗА ФАМИЛИЮ

ЕСЛИ бы вы были датчанином и жили сегодня в Копенгагене, вы могли бы хоть каждый день покупать себе новую фамилию. В этом городе существуют специальные конторы по продаже новеньких, свеженьких, только что изготовленных фамилий: стоит сдать заказ, и вам подберут (а если угодно, то и сочинят) какое угодно звучное прозвище опытные учёные, обладающие изысканным вкусом, специалисты...

Не верите? Напрасно. Очень серьёзное сообщение о таком удивительном торговом предприятии было напечатано в газете «Берлинер Цайтунг» 31 июля 1957 года. Указывалась даже рыночная цена: при перемене фамилии вы должны будете уплатить сорок крон государству и 60 — господину Олфук Эгероду, владеющему замечательной конторой.

Что за чепуха! Как такое странное явление могло возникнуть?

Не торопитесь делать выводы: это далеко не чепуха, и торговля фамилиями имеет свой глубокие корни. Они уходят в тот же самый вопрос, в вопрос об «отчествах».

Загляните в телефонный справочник по любому нашему крупному городу, ну, скажем, по Ленинграду или Москве. Вы заметите: разные фамилии, в зави-

симости от своей распространённости, занимают там не одинаковую «жилплощадь». В телефонной книжке Ленинграда за 1951 год, например, есть всего один Южик, три Щевелёвых, одна Мавлеткина. А вот граждан с фамилией «Иванов» или «Иванова» набралось на пять столбцов. Три столбца понадобились на «Петровых», два с не-

большим на «Павловых». Видимо, самыми распространёнными являются у нас всё же фамилии «отчественного» происхождения. Это не всегда удобно: отыскать среди четырёхсот Ивановых нужного вам Иванова А. П. не так-то просто. Да хорошо ещё, если таких А. П. — всего четверо среди мужчин и ни одной в числе женщин. А попробуйте, узнайте, где живёт ваш дядюшка, Иванов Иван Иванович, если в справочнике таких И. И. целых десять.

Так дело обстоит у нас, и это не удивительно: русский народ искони веков полюбил имя Иван. А что в этом смысле делается в Дании, в Копенгагене? Если вам как-либо удастся взять в руки копенгагенскую телефонную книгу за прошлый год, вы ужаснётесь.

В этой книге 208 столбцов (столбцов, а не строк) заполнено абонентами, носящими ту же

самую фамилию «Иванов», только в её датском виде: Хансен. 204 столбца отведены там на Нильсенов, 190 — на Йенсенов. Андерсены расположились на 120 колонках, Ларсены захватили их 107, Педерсены (иначе говоря Петровы или Петровичи) — 80. С ними почти наравне идут Кристенсены, Коргенсены, Ольсены, Расмуссены и Се-

ресены; за каждым из этих кланов от 50 до 100 столбцов. И только бедные Яковсоны (Яковлевы) и Мадсены довольствуются не более чем 30 столбцами на фамилию...

Позвольте, но ведь это же кошмар! Имя Ханс распространено в Дании столь же широко, как и фамилия Хансен; если вам нужно доискаться до какого-нибудь Ханса Хансена, не зная его места обитания, вам придётся обзвонить по меньшей мере несколько десятков столбцов, несколько сотен сердитых, недовольных, занятых, не расположенных с вами любезничать абонентов...

Удивительное ли дело, что чрезвычайное изобилие в Дании одинаковых, как две капли воды похожих друг на друга, фамилий стало в последнее время там чуть ли не национальным бедствием. Пока все эти Ларсы Ларсены и Нильсы Нильсены (от-

честв в нашем смысле в Дании нет) жили, бывало, каждый на своём хуторке или в своей деревушке, всё шло хорошо. Телефонов не было, зато были у каждого свои приметы: один был рыбак, второй жил под большим дубом, у третьего имелась всей округе известная рыжая борода. А теперь в крупном городе как отличишь нужного нам человека, роясь в справочнике?

Все это выглядит шуткой, но, по-видимому, затруднения создались далеко не шуточные, раз правительство Дании не только разрешило, но и всячески поощряет замену подобных «стандартных» фамилий новыми, пусть вычурными и даже некрасивыми, но только бы не похожими на другие. Это не пустяк, если жажда менять фамилии оказалась такой большой, что предприимчивые люди стали открывать специальные «фабрики фамилий» и назначать солидную цену за свои услуги, а доведённые до крайности граждане выворачивать карманы и выкладывать на столы сотни крон, в надежде вырваться из толпы обезличенных Кристенсенов и Йоргенсенов.

ПОЧЁТНЫЙ СУФФИКС

СЕЙЧАС для нас с вами наш «-вич» — суффикс, представитель определённой грамматической категории, группы любопытных явлений, но и только. А ведь было время, когда он вызывал у людей самые бурные эмоции, исторгал то самодовольный смех, то гнев, то слёзы. Как и почему? Вот какую

показательную сценку нарисовал нам один из авторов XIX века, интересовавшийся русскими «родовыми прозвищами и титулами».

Годы после отмены крепостного права. На поле работает артель крестьян, «временнообязанных». Подъехавший по дороге барин окликает одного из своих недавних «рабов», обращаясь к нему, как было до сих пор привычно, без «-вича»: «Эй, Иван Семёнов!»

Иван Семёнов — поодаль, он не слышит. Но те крестьяне, что поближе, охотно «помогают» своему помещику: «Эй, Иван Семенович! — уважительно передают они, так сказать, «по цепи». — Иди сюда, тебя Николай Петров кличет!»

Можно представить себе, как поморщился разжалованный в «Петровы» дворянин, как широко ухмылялся произведённый в «Семёновичи» вчерашний раб: ведь на протяжении веков эта незаметная частица делила весь народ на господ и слуг, на высокородных и «подлых». Нам сейчас трудно даже представить себе, какое значение придавалось когда-то её наличию и отсутствию.

Вот в замечательном романе «Пётр I» у Алексея Толстого молодой ещё царь разговаривает с неторопливым и опасливым купцом Иваном Шигулиным. Царю нужно, чтобы купечество взялось за вывоз русских товаров за границу, купчина не спешит взяться за новое дело, старается получить от предложения как можно больше выгоды. Чем его пленить, чем поощрить? Ба-

рышом? Путешествием в дальние страны? Ещё чем? Так поощрить, чтобы другим завидно стало?.. Но Пётр хорошо знает своих русаков:

«Петр радостно блестел на него глазами...

— А сам поедешь с товзром?.. Молодец! Андрей Андреевич, пиши указ... Первому negociанту-навигатору... Как тебя? Жигулин Иван, а по батюшке?

Жигулин раскрыл рот, поднялся, глаза вылезли, борода задралась.

— Так — с отчеством будешь писать нас?.. да за это — что хошь!

И, как перед спасом, коему молился об удаче дел, повалился к царским ножкам...»

Романист ничего не прибавил от себя, ничего не преувеличил. Мы знаем, что ещё в 1582 году Иван Грозный пожаловал «вичем» купца Строганова за очень серьёзную заслугу: Строганов вылечил от смертельной болезни царского любимца Бориса Годунова. Это первая запись о таком пожаловании, но наверняка они случались и раньше.

Двадцать восемь лет спустя, уже Василий Шуйский, награждая других Строгановых, пове-

лел их «в своих государевых грамотах писать с «вичем». В 1680 году такая же честь была представлена всем думным дьякам, крупнейшим по тому времени чиновникам, но с существенным ограничением: их было приказано «в государевых грамотах писать с «вичами», а в боярских списках — по-прежнему. Вот как дóрог, как почётен тогда был этот удивительный суффикс, на который мы в наши дни не обращаем никакого внимания.

Прошло ещё около ста лет, и Екатерина II считает нужным внести в обращение с «вичами» строгую точность. Постановляется: первые пять классов чинов — то есть самых важных сановников, генералитет («тайных» и «статских советников»), писать с «вичем», чинов шестого, седьмого, восьмого классов — с отчеством на «-ов» (но без желанного «вича»), всех же остальных — без отчеств. И только девятнадцатый век мало-помалу лишил пресловутый «вич» его былой славы и значения.

Вот какую сложную и противоречивую историю прожил наш «вич», суффикс русского отчества.

Зарисовки из лагерной жизни художника Н. Зверева

(Фантастическая повесть)

На поляне, занимая большую часть её, раскинулось селение, обнесённое высокой оградой из обожжённых стволов деревьев. За оградой стояли лёгкие конусообразные хижинки, вились дымки костров. В центре возвышалось высокое строение, похожее на пожарную каланчу древности и увенчанное настилом из лёгких жердей. Очевидно, с него жители поселения наблюдали за своими противниками и животными, которые бродили окрест.

На помосте стояло несколько светло-бронзовых воинов. Потрясая дротиками, они что-то кричали и указывали руками в небо, в бессильной ярости подпрыгивая на помосте. В то же мгновение, словно услышав их крики, стрелка индикатора дернулась вверх.

Как по команде, Икар, Ия и

Нор посмотрели на багрово-красное небо, затканное пятнами серовато-чёрных облаков. Прямо над собой они увидели гигантского ящера. Широко раскинув могучие крылья, обтянутые чёрной блестящей кожей, он медленно набирал высоту. В длинной прямоугольной пасти, усеянной несколькими рядами огромных загигающих зубов, ящер нёс добычу. Она, видно, была тяжела для него, хищник медленно летел к горам.

Стрелка индикатора упорно показывала вверх, и, озарённый страшной догадкой, Нор, державший индикатор, первым взмыл за ящером. Ия и Икар, обгоняя друг друга, бросились за ним.

Ящер нёс в пасти Ожегова. Икар, Ия и Нор, ещё не видя его лица, знали, что это мог быть только он. На человеке был скафандр, а кто, кроме

Продолжение. Начало см. «Искорку» №№ 1—5 за 1960 г.

Прямо над собой они увидели ги-
гантского ящера.

*

Ожегова, ещё мог носить скафандр на этой планете!

Двигатели Икара, Ии и Нора были гораздо мощнее «двигателя» страшной рептилии. Через несколько минут они уже кружили вокруг ящера, выбирая удобную точку для нападения. Оружие друзей было слишком грозным, чтобы им можно было пользоваться неосторожно. Оно могло бы разрушить скафандр и убить Андрея Дмитриевича.

— Стрелять буду я, — крикнул Нор, заметив, что Икар схватил пистолет. — Отвлекайте ящера.

Хищник уже заметил преследователей. Огромные выпуклые жёлтые глаза его равнодушно скользнули по трём странным птицам, кружившим вокруг него. Так бывало всегда: стоило ему захватить добычу, как всякая мелочь уже собиралась ни-весть откуда, надеясь поживиться остатками.

Но эти птицы как-то странно вели себя. Они скользили у него перед самой пастью, и ящер начал сердиться: выпустив огромные изогнутые когти, он на всякий случай приготовился защищать свою добычу.

Тонкий, словно игла, луч света, вырвавшийся из трубки, укрепленной на правом плече Нора, прервал полёт ящера. Выпустив из пасти тело Ожегова, ящер рухнул на землю. Но распростёртые крылья поддерживали его. Андрей Дмитриевич полетел к земле гораздо быстрее.

Икар стремительно метнулся к отцу и на лету подхватил его. С другой стороны Ожегова подхватила Ия. И маленькая группа людей стремительно понеслась к месту стоянки «Ара».

Дикари, с суеверным ужасом наблюдавшие за битвой в воздухе, скатились с помоста и, громко крича, побежали к своим хижинам.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кислорода оказалось мало. ♦ «Ар» готовится к отлёту. ♦ В операционной. ♦ К внепланетной станции. ♦ Рассказ Ожегова. ♦ В полёте.
♦ Клятва. ♦ Диплом Икара.

ОЖЕГОВ был мёртв. Он лежал на снежно-белом операционном столе в госпитале «Ара», восково-бледный, с вздувшимися венами на высоком лбу. Бескровные губы его были туго сжаты, судорога нечеловеческой муки исказила лицо.

Икар беззвучно плакал, прижавшись лицом к холодной руке отца, тело мальчика содрогалось

от рыданий. Сирасколийцы в скорбном молчании стояли вокруг.

Ия установила, что смерть наступила от удушья. В то мгновение, когда Ожегова схватил гигантский ящер, в его баллоне были на исходе последние капли жидкого кислорода. В общей сложности до того, как Ия, Нор и Икар перенесли Андрея Дмит-

риевича на «Ар», он пробыл без воздуха восемьдесят семь минут.

Алюа вопросительно посмотрел на Юю. Девушка разогнулась, отложила в сторону длинную блестящую иглу с шариком на острие, которой она время от времени прикасалась к телу Ожегова, и чуть слышно сказала:

— Попробую что-нибудь сделать, но за исход ручаться трудно.

Словно подброшенный её словами, Икар бросился к девушке.

— Спаси его, Ия, спаси его! — умоляюще закричал он, с внезапно вспыхнувшей надеждой. — Неужели его нельзя спасти?!

— Клянусь тебе, я сделаю всё, что в моих силах, — сказала она. — Успокойся, Икар, и пусть все выйдут. Мне надо остаться одной.

В голосе её появилась не известная ранее Икару жёсткость. Славная, добродушная девушка исчезла, сейчас у операционного стола стоял врач, сосредоточенный и неумолимый. И сирасколийцы понимали это, они бесшумно друг за другом вышли в открытый люк. Алюа поддерживал ослабевшего от горя Икара.

«Ар» готовился к отлёту. На Совете Экспедиции было приня-

У операционного стола стоял врач, сосредоточенный и неумолимый.

то решение отвести останки «Малахита» во внепланетный космический порт Сирасколии, где учёные и инженеры по чертежам землян могли бы отремонтировать его, построить новый двигатель и подготовить для возвращения на Землю.

— Пора приступить к работе, — сказал Алюа, — когда они вышли из операционной. — Надо соединить «Звёздочку» с «Малахитом» и укрепить корабль между центральным и кормовым шарами «Ара». Этим займётся аварийная группа во главе с Норм. К группе прикрепляется Икар.

— Но ведь тогда мне придётся покинуть «Ар»! — воскликнул Икар. — И я не буду знать, как проходит операция! Разрешите мне остаться здесь, Алюа!

— Ты пойдёшь с аварийной группой, — строго сказал Алюа. — Наши люди не знают соединительных устройств ступеней «Малахита», а ты знаешь их. У нас осталось мало времени, Икар, и ты должен выполнить мой приказ.

Икар растерянно оглянулся на товарищей, ища поддержки, но все уже направились к шлюзовому отсеку за скафандрами. Тогда, привычным жестом откинув волосы, он твёрдо сказал:

— Хорошо, я выполню твой приказ, Алюа.

И, пошатываясь, пошёл за Норм.

Алюа с сожалением посмотрел ему вслед. Мальчик не знал, что начальник корабля специально поручил ему эту работу, чтобы неизвестность ожидания меньше томила его, чтобы ему

легче было пережить эти страшные часы, когда шла борьба со смертью, сразившей его отца.

Круто повернувшись, он пошёл в рубку, соединённую телевизионной аппаратурой с операционной госпиталю.

Место посадки «Ара» отстояло от «Малахита» почти на две тысячи километров. Проще всего было бы, включив двигатели «Ара» на одну десятиллионную их мощности, перевести звездолёт к неподвижному цилиндру «Малахита». Но это могло вызвать сотрясение «Ара» и помешать операции, и Алюа приказал Нору использовать для буксировки систему гравитационных двигателей. Миниатюрные, заключённые в прозрачные кожухи из сетолита — металла с удивительными свойствами, созданного на Сирасколии, — они обладали колоссальной мощностью. Несложная система управления делала их просто незамеченными при работах, связанных с перемещением тяжестей.

Повинуясь коротким указаниям Нора, Икар складывал рядом длинные узкие полоски металла, проводил по ним длинной иглой, присоединённой гибким проводом к огромному сверкающему пульту, на котором вспыхивали разноцветные лампочки, и листы намертво сшивались. Он записывал показания стрелок на приборах, но мысли мальчика были в операционной, где лежал сейчас его отец. И сердце Икара сжималось от неуёмной тоски.

Вскоре маленький отряд, тяжело нагруженный аппаратурой, вылетел к «Малахиту». И Ика-

ру пришлось сосредоточиться на работе своего двигателя, чтобы не отстать от других и не уронить очень хрупкие на первый взгляд приборы, нести которые ему поручил Нор. Передавая приборы мальчику, Нор сказал, что, если они разобьются, восстановить их будет невозможно.

ЦЕПКО сжав подлокотники кресла и подавшись вперёд, Алёша впился взглядом в экран телевизора. Он видел, как, нажимая на различные кнопки, Ия окружила операционный стол десятками приборов. Они свешивались с потолка, толпились у изголовья, сверкающие красными и синими глазками лампочек, готовые вступить в борьбу за жизнь человека. Послушные мысли Ии, переданные через генератор биотоков, исследовали каждую клетку тела Ожегова, сердце, лёгкие, мозг...

Вот они отключили сердце, изолировали его от кровеносной системы и подали в него сильную струю свежей крови. Они продули лёгкие и наполнили их живительным кислородом, которого так не хватало ему восемьдесят семь минут назад. Они бомбардировали кору головного мозга омега-лучами, чтобы вызвать к жизни деятельность нервных клеток...

Но стрелки всех приборов продолжали оставаться на нуле.

Алёша на экране телевизора видел, как мелкие капельки пота покрыли лоб Ии. Мягким прикосновением манипуляторы стёрли пот, но она, казалось, не замечала этого. Губы её без-

звучно шевелились, казалось, девушка решала в уме какую-то трудную задачу.

Алёша никогда раньше не видел этого человека, распростёртого на операционном столе. Но во всей Вселенной не было сейчас ничего, чего бы он, командир звездолёта, не отдал, чтобы Ожегов очнулся от своего страшного сна. Алёша любил его, как сына, и даже больше, потому что это был человек, о встрече с которым он мечтал всю жизнь.

Алёша взглянул на хронометр — операция уже длилась два с половиной часа. Сколько ещё сможет продержаться Ия?

И вдруг стрелка на приборе, контролировавшем сердечную деятельность Ожегова, чуть заметно дрогнула. В то же мгновение Алёша услышал ликующий крик Ии. Ожегов был спасён!

За дальнейшим ходом операции Алёша наблюдать не стал. Он мгновенно связался с аварийной бригадой.

Икар вместе с Нором укреплял на «Малахите» второй двигатель, когда услышал взволнованный голос Алёши:

— Возвращайся на корабль, Икар! Твой отец спасён!

«А Р» летел к внепланетной космической станции Сирасколи. В чёрной бездне космоса растворилась планета Трит, и только красную звезду её можно было ещё некоторое время рассмотреть в мощные телескопы. Ожегов сидел в Зале Мудрости, держа в своих руках руку Икара, и глуховатым от волнения голосом рассказывал

сирасколийцам о своих приключениях у дикарей племени нгхара.

— После двухдневного пути мы прибыли на родовую стоянку. Оказывается, дикари наблюдали за посадкой «Малахита» и выслали отряд, чтобы пригласить «посланцев неба» к себе. Племя нгхаро вело непримиримую вражду с пигмеями, а я как раз попал в их владения.

Нгхаро знакомы с огнём, живут не в пещерах, а в хижинах, кроме каменных, у них есть орудия из серебристого, очень лёгкого и прочного металла. Это — племя охотников, исключительно мужественных и добрых людей.

Меня окружили всеобщим поклонением. Мой скафандр, оружие, прожектор внушали им суеверный ужас. В селении мне отвели самую большую хижину. Возвращаясь с охоты, воины оставляли у неё лучшие куски мяса, съедобные корни и плоды.

Три баллона кислорода позволяли мне без отлучек на корабль пробыть среди дикарей 16 с лишним суток. Двадцать часов нужно было на обратный путь — я мог передвигаться по планете значительно быстрее дикарей, сказывалась разница в силе притяжения Трита и Земли.

Через несколько дней я смог уже довольно сносно объясняться с дикарями. Язык у них несложный, основная масса слов обозначает названия предметов и действия. Я рассчитывал, что пробуду на Трите около тридцати лет, от знания язы-

ка племени зависели все мои дальнейшие планы.

Андрей Дмитриевич рассказывал, как он ходил на охоту вместе с дикарями, как помогал им уничтожать грозных хищников, которыми кишит планета. Во время коротких вылазок он убедился, что Трит богат железом, углём, нефтью и другими полезными ископаемыми. Разработку их Ожегов думал начать после того, как вместе с воинами племени возьмёт на корабле необходимые приборы, инструменты и двигатели и установит связь с другими племенами, населяющими планету.

— На двенадцатый день, после того, как я покинул «Малахит», — говорил Андрей Дмитриевич, — я пошёл к горному кряжу, примыкавшему к лесу, в котором располагалось племя, и богатому каким-то не известным мне металлом, тем самым серебристым металлом, которым пользовались дикари, чтобы разжигать костры. Металл горел при малом количестве кислорода в составе воздуха. Много его было у самой вершины высочайшей горы кряжа. Там он выходил обнажённым пластом.

С трудом добравшись до площадки, нависшей над пропастью, я почувствовал, что начал задыхаться. Во втором баллоне оканчивался кислород. А до выхода металла лезть ещё надо было метров шестьдесят. Тогда я отстегнул от скафандра третий баллон, чтобы поставить его на смену, но вдруг какой-то страшный удар выбил его у меня из рук. Сверкнув на солнце, баллон полетел в пропасть.

Уже теряя сознание от недостатка воздуха, я увидел гигантского ящера, напавшего на меня. Я потянулся к пистолету, однако новый удар свалил меня с ног и я покатился в пропасть. Ящер подхватил меня...

Андрей Дмитриевич побледнел, вспоминая страшные минуты на обнажённой каменной площадке, нависшей над бездной. Икар крепко сжал его руку.

НА корабле незаметно летели часы и дни полёта. Всё свободное время Ожегов проводил с Алюа. И всегда рядом с ними был Икар. Не довольствуясь биокрибернетическими переводчиками, Андрей Дмитриевич начал изучать язык Сирасколии, перечитывал сотни книг, рассказывающих об этой удивительной планете, рассматривал карты и чертежи. Его киноаппарат, заряженный микроплёнкой, беспрерывно работал, чтобы запечатлеть всё, чего ещё не было на Земле; диктофоны спешили записать каждую мысль, каждое открытие, которое Ожегов делал для себя на «Аре».

Икар помогал отцу и очень гордился тем, что Андрей Дмитриевич поручил ему важнейший участок работы — изучение генератора биотоков и устройство автоматических переводчиков. В царстве машин, электронных устройств, копировавших человеческий мозг и его деятельность, верным проводником Икара был Нор Инд. Отцу во всём помогала Ия.

Красная стрела на гигантской карте звёздного неба, занимавшей одиннадцатиметровую сте-

ну штурманской рубки, родившись в левом углу у планеты Трит, упорно продвигалась туда, где в туманном ореоле мерцали звёзды Сирасколии.

Едва только оправившись от болезни и изумления, вызванного необычайной встречей, Ожегов расспросил Алюа о планах экспедиции.

— Мы хотим установить связи с планетами двойной 61-й звезды в созвездии Лебеда, — ответил Алюа. — Вот уже свыше ста лет мы с Сирасколии улавливаем непонятные сигналы, которые идут с одной из этих планет. Наши учёные пока ещё сигналы расшифровать не смогли, но происхождение их не оставляет у нас сомнения — это радиосигналы, посылаемые разумными существами. Что в них — желание установить связь с другими планетами или мольба о помощи? Это и должна узнать наша экспедиция.

— А может, вы измените маршрут, и оба наши корабля пойдут на Землю? — спросил Ожегов. — Вы увидите наш мир во всём его своеобразии и величии, мы встретим вас как самых дорогих гостей.

Алюа улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я думаю, что Совет Экспедиции пока (Алюа голёсом выделил это слово) отклонит это приглашение. Счастливый случай, который свёл нас в космосе, позволил нам много узнать о солнечной системе и вашей планете, о людях, населяющих её. По вашим рассказам, книгам и фильмам, картинам и нотам, коллекциям и чертежам мы по-

знакомимся с историей развития жизни на Земле, с богатством её недр, со всеми основными достижениями землян в науке и технике. Узнав вас двоих, мы увидели, что люди Земли храбры и добры, честны и талантливы, что они умеют самоотверженно любить и неумолимо трудиться. Почти два десятилетия, которые мы затратили бы на путешествие до Земли и обратно, немного прибавили бы к нашим знаниям о вас по сравнению с тем, что откроют перед нами планетные миры Лебеда.

— Но я уверен, — продолжал Алюа, размеренно похлопывая небольшой крепкой ладонью по подлокотнику кресла, — что, раз встретившись, мы уже никогда не потеряем друг друга в просторах Вселенной. — Побывав на внепланетной станции Сирасколи, вы вместе с нашими учёными решите вопрос о постоянной связи между нашими планетами. И мы всегда будем знать, что где-то там, в бездне Галактики есть наши братья. Мы будем включать в эту великую связь всё новые и новые планеты наших и других галактик, и она объединит в одну семью всю Вселенную.

Алюа говорил твёрдо и уверенно. В больших и выразительных глазах его горел неукротимый огонь, на одухотворённом лице разгладились глубокие морщины, немного непривычные для землян черты его сейчас казались законченными и прекрасными. Ожегов и Икар жадно впитывали каждое его слово: первый — как единомышленник

и соратник, второй — как ученик и последователь.

И когда Алюа окончил свою речь, Андрей Дмитриевич встал и крепко пожал ему руку. Алюа правой рукой привлёк его к груди, а левой обнял Икара, и так они стояли несколько минут в торжественном молчании, словно приносили священную клятву быть верным великому делу объединения миров, служения людям.

ПРОШЛО почти три земных года с того мгновения, как «Ар» и «Малахит» оставили Трит и, преодолев притяжение планеты, устремились к внепланетному космодрому Сирасколи. Для Икара это было время напряжённой учёбы. Как губка воду, впитывал он в себя знания, которыми щедро делились отец, Ия, Алюа, Нор — все члены экипажа, горячо полюбившие угловатого подростка с пытливым взглядом голубых глаз и льняной шапкой волос. Икар вытянулся; благодаря ежедневным занятиям в спортивном зале под кожей у него налились тугие бугры мускулов, кварцевые лампы сделали кожу его смуглой и блестящей.

В день пятнадцатилетия, по постановлению Совета Экспедиции, Алюа вручил мальчику диплом инженера-механика главного двигателя, и теперь он нёс вахту наравне со всеми членами экипажа.

Ожегов был занят огромной научной работой. Его помощником стала Ия. Вместе с нею он подготавливал материалы, которые «Малахит» после ремонта

та должен был отвезти на «Землю», обрабатывая данные астрономов «Ара» об этом совершенно неизученном на Земле участке галактики.

Ия оказалась не только замечательной помощницей, но и талантливой учительницей. Ожегова с каждым днём связывала с девушкой всё более и более крепкая дружба.

Пройдя три четверти пути со скоростью света, «Ар» перешёл на торможение, четыре месяца спустя на экранах локатора корабля замерцала крохотная голубая звёздочка. Это был постоянный искусственный спутник Сирасколи — космический порт для её звёздных кораблей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Посадка. ♦ Встреча. ♦ Ремонт «Малахита».
♦ Живым — жить на земле. ♦ «До встречи, друзья!».

ПОДРОБНУЮ радиограмму на искусственный спутник Сирасколи о необыкновенной встрече экипажа с людьми и о причине возвращения «Ара» Алюа послал ещё тогда, когда корабль только начал торможение. Оттуда она была передана на Сирасколию. Вся планета с ликованием готовилась к встрече дорогих гостей. Конструкторы изучали чертежи «Малахита», переданные Алюа. Задолго до прилёта «Ара» грузовые ракеты начали доставлять на спутник-космодром первые узлы и детали будущего двигателя «Малахита».

Икар вместе с Норм нёс вахту у центрального пульта управления «Ара», когда микрофоны разнесли по кораблю радостную весть — на экранах локаторов появились первые ракеты, встречающие их. Включив локатор флангового обзора, Икар с волнением наблюдал за огромными, похожими на серебристых рыб, ракетами, которые, казалось, неподвижно висели на

почтительном расстоянии от «Ара» и в то же время ни на один метр не отставали от него. И чем больше приближалась цель, тем больше ракет пятнало зеленоватый экран локатора, словно демонстрируя удивительное могущество, которого достиг народ Сирасколи.

Двигатели обратного действия плавно гасили скорость звездолёта. А когда спутник «С-14» из светящейся точки превратился в гигантское, слегка вытянутое колесо, соединённое вместо спиц сложными металлическими конструкциями, Алюа сам стал к центральному пульту управления.

Мощные радиопеленгаторы уверенно вели «Ар» на посадку. Совершив два широких витка вокруг спутника, он мягко скользнул на внешнюю плоскость «колеса», мощное магнитное поле, образовавшееся в зоне посадки, погасило его скорость, и Алюа уверенно ввёл корабль в закрытый ангар.

Прошло несколько томитель-

ных часов, прежде чем сигнальная лампочка на панели сообщила, что шлюзовая камера корабля герметически соединена с внутренними помещениями спутника-порта. Весь экипаж «Ара» собрался у готового распахнуться люка. Впереди всех стояли Икар и Ожегов.

— Это ещё не наша земля, это просто частичка её, созданная гением нашего народа, и вам, прошедшим чудовишно далёкий путь, мы предоставим почётное право первыми ступить на неё, — дрогнувшим от волнения голосом сказал Алёша.

Ровно загудел мотор, отодвигая тяжёлый люк «Ара». Ожегов и Икар, взявшись за руки, ступили на широкую площадку трапа. Приветственные крики сотен людей ошеломили их, внезапно увлажнившимися глазами смотрели они на людской поток, конец которого терялся где-то за плавным изгибом помещения. Они стояли, полные гордости за свою Землю, пославшую их сюда, а позади их стояли Алёша, Ия, Нор, — люди, так много сделавшие для того, чтобы они могли достичь искусственного спутника их планеты.

Под гром рукоплесканий по трапу взбежали две маленькие смуглые девочки — дети сотрудников станции-спутника — в белых платьицах и лёгких сандалиях. На последней ступеньке автоматическое устройство при-

подняло их, и они надели на шеи Ожегову и Икару гирлянды живых цветов, ярких, словно радуга после дождя, дышащих свежестью полей и лесов Сирасколии.

Андрей Дмитриевич подхватил девочек на руки, прижал к груди и первым двинулся вниз, к протянутым рукам, к сияющим глазам, к сердечным улыбкам...

Мощные телевизионные установки спутника транслировали на планету торжественную встречу землян, и сирасколийцы видели, как сжимал Ожегов в могучих объятиях сотрудников и гостей спутника-космодрома, как взлетал в воздух Икар, подбрасываемый десятками сильных, добрых рук, как, гордо подняв голову, сходили по трапу их сыновья и дочери, спасшие своих братьев с далёкой планеты Земли от гибели в чёрных пучинах космоса.

Увлекаемые ликующей толпой, Андрей Дмитриевич и Икар медленно шли вперёд по ярко освещённому внутреннему коридору-кольцу спутника. На повороте Ожегов оглянулся, могучие электромагнитные краны уже подхватили корпус «Малахита» и легко, словно пушинку, понесли многотонную громаду к ангару, где звездолёт, получив двигатель, должен был заново родиться для окончания великого полёта.

(Окончание следует)

НЕБО уже который день чистое, будто его в прачечной выстирали и круто синькой подсинили. Разомлевшее солнце лениво перекатывалось через город, не встречая на своём пути ни единого облачка. Оно пекло сквозь школьные стёкла. Лежит себе рука на парте, а пыльный луч потихоньку крадётся к ней. Подкрадётся, обожжёт — и дальше.

Лето — хорошая пора, особенно когда речка рядом. А попробуй через весь город топать в такую жару на пляж. Придёшь, а рубаху с плеч не стащить — прилипла. И всё-таки Серёжка, Димка и Костя каждый день после уроков отправлялись на речку. Соревнуясь в быстроте, раздевались и, подняв тучу брызг, погружались с головой в тёплую взбаламученную воду.

— Красота! — говорил Димка, хлопая по воде ладонями.

— Сила! — отфыркивался, словно морж, Костя.

А Серёжка блаженствовал молча. Набрав побольше возду-

ха, он с открытыми глазами медленно опускался на дно. Над ним двигалась, волновалась вода; в уши, будто сквозь вату, глухо врывались крики ребят, всплески. Когда в голове начинали стучать молоточки, а глазам становилось больно, словно на них надавили пальцами, Серёжка выныривал.

— Уф-ф! — на весь пляж отдавался он. — Хоро-шо!

Купались, пока руки и ноги не переставали слушаться. Потом валялись на жёлтом песке. Солнце живо докрасна накаливало плечи, и ребята снова бросались в спасительную воду.

Неподалёку стояла вышка. Она, преломляясь, отражалась в воде. На первой площадке всегда толпились малыши. Прижав руки к телу и закрыв глаза, они с визгом, один за другим, «солдатиком» сигналы в воду. На вторую площадку поднимались ребята повзрослее. Там они важно расхаживали, стараясь привлечь к себе внимание. Прыгали «ласточкой» с разбегу. Третья площадка, самая высо-

кая, обычно пустовала. Оттуда прыгали спортсмены и самые отчаянные.

Димка иногда нырял со второй площадки. Он однажды и Костю уговорил. Но тот прыгнул неудачно: так шлёпнулся об воду животом, что по всей реке гул пошёл, будто из пушки выстрелили.

Они лежали на песке и лениво переговаривались. В основном перекидывались словами Серёжка с Димкой, а Костя молчал. Костя не любил попусту языком трепать. Он любил думать. Молчит, молчит, а потом скажет такое, что не сразу и сообразишь, что к чему. Вот и сейчас Серёжка с Димкой толковали про футбол, а Костя вдруг тяжело вздохнул и сказал:

— Вот кит это да...

Ребята привыкли не удивляться Костиным словам, но тут не выдержали:

— Чего «да»?

— Кит может под водой целый час пробыть... а человек — минуту. Плохо. Димка перевернулся на бок, потрогал ладонью Костину голову:

— Перегрелся...

На песок шлёпнулся портфель. Серёжка и Димка разом вскочили. Только Костя даже не пошевелился, хотя портфель принадлежал ему.

— Посмотри-ка, — сказал Димка. — Распоряжается!

На большом, гладком валуне сидела незнакомая девчонка в красном купальнике. Тёмные короткие волосы по мальчишечьи топорщились на её голове. В волосах блестели крупные кап-

ли. Девчонка смотрела на речку и пальцами ноги ловила камешек.

Валун, на котором она сидела, принадлежал Серёжке, Димке и Косте. Они загорали на нём, в тени прятали одежду. До сих пор ещё никто не осмеливался посягнуть на их собственность. А тут на тебе — залезла на чужой камень и портфель скинула.

— Эй ты, проваливай отсюда! — крикнул Серёжка.

Девчонка продолжала тянуть ногу за камешком, будто это не к ней относилось.

— Слышишь, ты!

Девчонка не слышала. Она смотрела на речку и нахально молчала. Даже Костя заинтересовался: приподнялся на локтях, посмотрел на девчонку.

— Не из нашей школы, — сказал он и снова шлёпнулся на песок.

Серёжку, конечно, возмутило такое пренебрежение, но вставать было лень и он тоже замолчал. Димка любил пофорсить перед девчонками. Он поднялся, расправил плечи, выпятил грудь и, быстро взглянув на девчонку, сказал:

— Нырнуть, что ли?

Вопрос остался без ответа.

— Люблю нырять... — немного помолчав, снова сказал Димка.

— А ты нырни с третьей — подзадорил его Серёжка.

— Струсит, — равнодушно сказал Костя.

Девчонка, наконец, поймала свой камень. Покачав ногой, она спокойно перекинула его через

ребят. На этот раз они сделали вид, что ничего не заметили.

— Это я струшу? — Димка ещё больше выпятил грудь.

— С третьей? — сказал Костя. — Ну да, струсишь!

— Да я не с таких вышек прыгал! — захорохорился Димка, не двигаясь с места.

— Прыгни! — сказал Серёжка.

— И прыгну...

Девчонка с любопытством посмотрела на Димку. Глаза у неё оказались светлые, с синим отливом.

Димка тоже посмотрел на неё и, пятернёй растрепав желтые волосы, решительно зашагал к вышке. Когда он поднялся на третью площадку, на реке стих гомон. Все смотрели на Димку. И девчонка тоже.

Димка ступил на самый кончик доски и стал раскачиваться. Его

загорелое тело напряжилось. Солнце ещё больше выжелтило его волосы, и они засияли на голове, как моток медной проволоки. Вот он чуть присел, взмахнул руками и... снова выпрямился.

— Сдрейфил! — вырвалось у Серёжки.

— Хвастун! — раздался звонкий голос.

Девчонка в красном купальнике стояла на валуне и смотрела на Димку. На овальном красивом лице её — презри-

тельная усмешка.

— Какая быстрая!! — сказал Серёжка. — Сама бы попробовала, а то...

— Я не бахвалилась, — оборвала его девчонка.

— Поговори! — прикрикнул Серёжка. — Заработаешь...

— А ну-ка, сунься! — усмехнулась девчонка. — Как бы сам не заработал... Карапуз!

У Серёжки даже дух захватило от злости.

— Да я тебе! — рванулся он к ней, но Костя поймал его за ногу, и Серёжка носом зарылся в песок.

— Дратся с девчонкой? — сказал Костя. — Брось...

— Моли бога... — буркнул Серёжка, остывая. — Карапуз... Надо такую ерунду сморозить. Ты слышал, Костя?

Серёжка искал сочувствия у приятеля, но тот молчал и гля-

дел в небо. Опять о чём-то раз мечтался. А девчонка, запрокинув назад голову и ухватившись обеими руками за валун, заливалась смехом.

— Карапуз! Карапуз!

— Костя, пусти я ей покажу?

— Не надо, — сказал Костя, — плюнь...

Димка покачивался на доске и, по-видимому, не собирався прыгать. Мальчишкам надоело глазеть на него и они стали свистеть.

— Эй, рыжий! Прыгай! Чего стоишь?

Димка снова взмахнул руками, присел... и опять не решился. Незавидное было положение у Димки: прыгать страшно-вато и назад пятиться неудобно.

— Рыжий, струсил! — орали мальчишки. — Прыгай, рыжий!

— Ждите... прыгнет! — сказала девчонка и, ящерницей соскользнув с валуна, побежала к вышке. Её длинные стройные ноги замелькали на крутых ступеньках лестницы. Вот она на площадке. Что-то отрывисто сказала Димке и за труссы стащила с доски. Димка упирался, показывал рукой вниз, хлопал себя по макушке. Но девчонка храбро ступила на доску. Она всего на одну секунду задержалась. Вскинув тонкие руки, зачем-то поправила волосы и «солдатиком» прыгнула вниз.

И тут же вслед за ней мелькнуло в воздухе Димкино тело. Не успели упасть брызги, которые взметнула девчонка, как в воду всверлился Димка. Это был классный прыжок, и Серёжка с Костей пожалели, что девчонка не видела. Она в этот

момент находилась под водой.

Вынырнули они почти одновременно и, как бы испугавшись друг друга, поплыли в разные стороны. Жёлтая Димкина голова, как поплавок, качалась на зеленоватой волне, пока девчонка не выбралась на берег. Отжимая короткие волосы, она прошла мимо ребят. Прошла и не посмотрела в их сторону.

— Гляди... прыгнула! — сказал Костя. Поднялся, стряхнул ладонями с коленок белые песчинки и не спеша направился к вышке. Костя всё делал с толком, обстоятельно. Прежде чем взобраться на третью площадку, он сначала сделал передышку на первой, потом на второй. Здесь он задержался немного дольше. Посмотрел вниз, покачал головой, но всё-таки полез выше. На третью поднялся с таким видом, будто у него на плечах мешок в два пуда весом. Потрогал ногой податливую доску — трамплин, посмотрел вниз и сморщил нос.

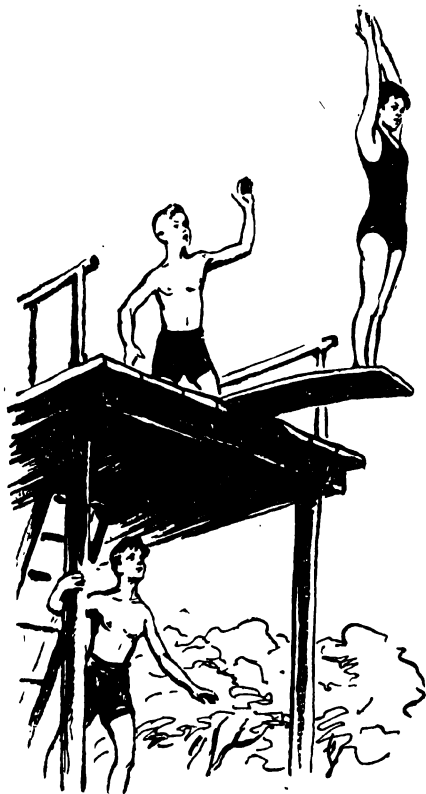
— Давай! — закричали мальчишки. — Жми-и-и!

Костя почесал затылок, погладил живот, сплюнул в воду. Наклонив набок голову, дождался, пока плевок долетел до поверхности, а потом под громкое улюлюканье застучал пятками по лестнице...

— Больно высоко, — сказал Костя. — Плюнешь — можно десяти сосчитать, пока шлёпнется...

Девчонка на валуне хихикнула. Костя покосился на неё и громко сказал:

— Понимаешь, Серёга, совсем забыл, что сегодня здорово

пообедал... На, потрогай? — И, надувшись, выставил свой живот.

— Лопнешь! — заметила с валуна девчонка.

Костя вздохнул и виновато уселся напротив Серёжки.

Подошёл Димка. Сверля пальцем в ухе, стал прыгать на одной ноге.

— Здорово? — спросил он, кося зелёным глазом на девчонку.

— Мастер спорта... — сказал Костя.

Девчонка фыркнула и спрыгнула с камня. Она уже успела натянуть на себя коротенький сарафан. Причесав гребнем мокрые чёрные волосы, повернулась к ребятам спиной и пошла вдоль берега. В руке на длин-

ном шнурке покачивался волейбольный мяч.

— Чего она тебе на вышке сказала? — спросил Серёжка.

Ничего не слышу... — Димка снова сунул палец в ухо и подпрыгнул на одной ноге. — Чёрт! Вода набралась...

А здорово он с вышки, а? — сказал Костя. — Непохоже даже, что девчонка. Да, Серёга?

Серёжка промычал что-то под нос и поднялся. Одна щека у него была жёлтой от песка, а другая — красной от солнца.

— Скупнёмся? — предложил он.

— В последний раз, — сказал Костя и первым полез в воду.

Домой возвращались, когда вода в речке потемнела и стала совсем тёплой. Сидишь в воде, как в ванне, а вылезешь на берег — дрожь пробирает.

Димка забыл расчесать свой жёлтый чуб и он топорщился на голове, как петушиный хвост. Димка всё время прибавлял шаг. Костя кое-как поспевал за ним, а коротышке Серёжке приходилось то и дело переходить на мелкую рысь. Он пыхтел, сморкался и бурчал:

— На пожар, что ли?

Жара спала. Над головами расправили плечи старые липы. Из чугунных решёток, придавивших землю вокруг стволов, зелёными хохолками лезла трава. Ошалевшие воробьи чуть не на плечи садились прохожим. Равнодушные ко всему тяжело-возы, поминутно встряхивая гривами, катили по асфальту подводы, нагруженные ящиками с лимонадом.

Димка о чём-то думал. На губах — непонятная улыбка.

— Ты чего? — подозрительно посмотрел на него Серёжка.

— Ничего, — сказал Димка. — Иду и молчу.

Костя тоже думал. Он всегда о чём-нибудь думал. Наверное, о ките, который может целый час под водой плавать.

На другой день решили на речку не ходить.

— Надо на грамматику приналечь, — сказал Димка. — Скоро серьёзный диктант...

— Верно, — согласился Костя. — Последний диктант перед каникулами... Ты как, Серёга?

— Я, как все, — сказал Серёжка. — Не пойду же я один!

— За три грамматических ошибки — двойка, — усмехнулся Димка. — А диктант трудный.

Помахивая портфелями, они разошлись в разные стороны.

Серёжка, наверное, с час листал грамматику. Закатив глаза в потолок, наизусть заучивал трудные правила. По потолку лениво ползали сонные мухи. Серёжка смотрел на них и завидовал: никаких диктантов им писать не надо, куда захотел, туда и полетел... Он представил себе берег реки, жёлтый сыпучий пляж, камень-валун, а на нём эту отчаянную девчонку, которая обозвала его карапузом... Вот дрянь!

Серёжку неудержимо потянуло на речку. Почитал и хватит. Всё равно на такой жаре ничего в голову не лезет. Напишет он этот диктант! Засунув грамматику в портфель, Серёжка направился к выходу. На кухне

задержался и посмотрел на пущатый чайник. Из чайника глянула на него расплывчатая белобрысая личность с серыми глазами и спутанными вихрами. Личность несколько раз скребнула себя пальцами по голове и покраснела.

Серёжкин путь лежал мимо Димкиного дома. В другой раз он обязательно свистнул бы, а тут проскочил мимо и даже не оглянулся. Пускай учит грамматику... Зачем мешать?

Спустившись с моста, Серёжка первым делом посмотрел на камень. Там!.. Напустив на себя равнодушный вид, двинулся к валуну. Какое ему дело до этой девчонки? Это их камень. Из-за неё Серёжка не собирается менять место. Вот сейчас сбросит рубаху, штаны, посидит немного на своём камне и заберётся на вышку. Пусть посмотрит, он тоже, если захочет, нырнёт. Он ей покажет, какой он карапуз!

Вот так номер! Серёжка столбом остановился посередине пляжа: Димка, вместо того чтобы дома учить грамматику, с невозмутимым видом расхаживает себе неподалёку от камня. «Вот трепач!» — возмутился Серёжка. Он подскочил к Димке и ядовито спросил:

— Граматику учишь?

— Ага, учу, — сказал Димка. — Про себя повторяю... Подлежащим называется...

— Ладно врать-то! — оборвал Серёжка. — Подлежащим... Ты чего тут делаешь?

Димка посмотрел на загорающую на валуне девчонку и спросил:

— А ты?

— Я? — Серёжка нагнулся, подцепил полную пригоршню песку и стал его пропускать сквозь пальцы. — Я пришёл...

— Вижу, — сказал Димка, — только я на твоём месте сидел бы дома и зубрил русский.. Ктə в прошлый раз получил двойку?

Серёжка нахмурился и засопел.

Они стали вдвоём расхаживать возле камня. Димка терпел, терпел, а потом сказал:

— Ну, чего ты всё за мной ходишь, как пёс-барбос? Взял бы да выкупался.

— Сам купайся... Мне что-то не хочется.

Купаться, конечно, хотелось, но... Минут десять они ходили друг за другом. Даже тропинку в песке протоптали. А девчонка, знай себе, лежит и сквозь длинные ресницы смотрит на синее небо. А на небе ни облачка.

— На нашем камне лежит, — сказал Димка.

— На нашем, — вздохнул Серёжка.

— Прогоним?

— Давай...

— Ты первый.

— Нет ты...

Подошёл Костя.

— А я к вам домой заходил, — сказал он. — Что не купаетесь?

— Не видишь? — буркнул Димка. — Грамматику зубрим...

— Ну-ну, зубрите...

Костя разделся и бултыхнулся в воду. А Димка с Серёжкой из-за какого-то непонятного упрямства стояли на берегу, потели и с завистью смотрели на него. Костя отплыл подальше от берега и, что-то крикнув, нырнул.

— Вода сегодня грязная, — сказал Димка, отворачиваясь от реки.

— Помои, — сказал Серёжка и тоже отвернулся.

С камня прыгнула девчонка и с разбегу бросилась в воду. Костя вынырнул и схватил её за ногу. Другая бы завизжала на всю речку, а эта засмеялась и брызнула Косте в лицо водой. А он ей. Потом наперегонки поплыли к другому берегу.

— Дела-а... — Димка, не отрываясь, смотрел им вслед. — Гляди! Обогнала!

Серёжка промолчал.

Они скоро вылезли на берег, весёлые, смеющиеся.

— Ребята! — крикнул Костя. — У Алки есть мяч!

О том, что у Алки (уже успел познакомиться!) есть мяч, Серёжка и Димка тоже знали. Переглянувшись, они разом вздохнули и пошли к ним.

Алка играла хорошо. Тоненькая, гибкая, она ухитрялась подхватывать мяч у самой земли. И сердилась, когда Серёжка упускал мяч в реку.

— Вот ведь неповоротливый! — ругалась Алка. — Падать надо на живот.

— Нашла дурака, — ворчал Серёжка. — На живот! Сама падай...

Зато Димка старался изо всех сил, но Алка упорно не замечала его. Он падал и на спину, и на живот — и всё напрасно! Только один раз, когда Димка взял у самой воды мёртвый мяч, и Костя воскликнул: «Здорово!», Алка посмотрела своими светлыми глазами с синим отливом на Димку и насмешливо сказала:

— Это, конечно, не с вышки прыгать...

И Димка — гроза всех девчо-

нок в школе — молча проглотил эту пилюлю.

Серёжка смотрел на Алку и удивлялся. Почему ему, да и Димке с Костей, так захотелось подружиться с этой девчонкой? До сих пор они никакого внимания не обращали на девчонок, а тут... Серёжке хотелось за «карапуза» как следует отлупить Алку, но он чувствовал, что рука на неё не поднимется.

— Алка, кто твой отец? — спросил Серёжка.

— Мастер, — на ходу ответила Алка, — металлическую посуду делает...

— Ну? — удивился Серёжка. Он вдруг решил, что у неё отец полярный лётчик или капитан дальнего плавания. А он, оказывается, металлическую посуду делает...

Когда солнце опустилось в реку и вода жарко заблестела, ребята решили в последний раз искупаться и — домой.

— Я больше не буду, — отказалась Алка и нагнулась за своим сарафаном. И вдруг, отбросив сарафан, Алка завизжала на весь пляж. Даже в ушах зашвербило.

— Ты чего? — подскочили к ней ребята.

Алка проворно забралась на камень и оттуда показала пальцем:

— Там... Под сарафаном.

Она вся дрожала, и пухлые губы её прыгали.

Серёжка осторожно потянул сарафан к себе и глаза его стали круглыми.

— Там никого нет, — сказал он. — Одна лягушка...

На песке сидела самая обык-

новенная лягушка и, раздувая белый зоб, пучила глаза на ребят.

— Уберите! — закричала Алка. — Я боюсь!

— Лягушку? — удивился Серёжка. На его круглом лице расплылась широкая улыбка. Он небрежно взял лягушку в руку и приложил к щеке:

— Холодная...

Серёжка рассмеялся, швырнул лягушку в воду и помчался к вышке. Взлетев на третью площадку, покачался на доске и крикнул:

— Карапуз я, да?

Помахал рукой и вниз головой бросился в воду.

П Е Н А Л

Вот Саша
С гордостью достал
Из новой сумки
Свой пенал.
В нём ручки
И карандаши...
Рисуй, что хочешь,
И пиши.
— Пенал неважный,
Спрячь скорей! —
Заметил кто-то
Из друзей.
— Он, верно,
Очень «дорогой»! —
С усмешкой
Говорит другой.
Но Саша,

Рис. А. Илючека

Глядя на пенал,
Своим товарищам
Сказал:
— Пускай не нравится
Он вам,
Зато его я
Сделал сам!

Найдите трёх следопытов

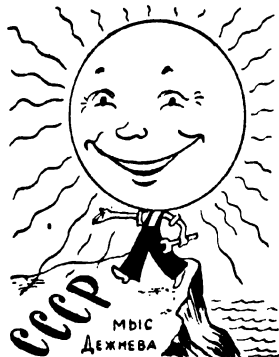
(Загадочная картинка А. Илючека)

...где холоднее — на северном или на южном полюсе? Годовая солнечная радиация (количество тепла и света, получаемое от солнца) на обоих полюсах одинакова. Однако Северный полюс находится среди моря и на уровне моря, а южный — в центре антарктического материка со средней высотой около 3.000 метров. Полюс лежит на высоте 2765 метров. А ведь чем выше от уровня моря, тем температура воздуха ниже. Это и наблюдается на южном полюсе.

...где на Земле начинается раньше всего новый день? Существует так называемая «граница дат». К востоку от неё — старый день, к западу — новый. Именно с «границы дат» и принято считать начало каждого нового дня. А так как эта граница проходит через мыс Дежнёва — самую восточную материковую точку нашей Родины, следовательно, каждый новый день в мире начинается в Советском Союзе.

Рисунки А. Илючека

...что на свете есть такая страна, где одновременно бывает и яркий день и глубокая ночь? Наша страна в направлении с запада на восток простирается на 171 градус. В то время как на мысе Дежнёва полночь, на наших западных границах светит яркое солнце (11 часов дня).

...что есть ледяные острова? Это не случайное скопление льда и не плавучие ледяные горы — айсберги, а острова, существующие не одну тысячу лет и точно нанесённые на карту. На островах Новосибирского архипелага имеются так называемые «окаменелые ледники». Это огромные толщи древнего льда вперемешку с песчано-глинистыми и торфяными слоями.

...почему Дон называется «тихим»? Дон имеет очень медленное течение. Это объясняет-

ся тем, что река достигла предельного склона, т. е. линии, ниже которой дальнейшее углубление русла не происходит.

...какой большой город в СССР замечателен тем, что его географические координаты относятся друг к другу как 2:1? Это Ленинград, расположенный на 60 градусах северной широты и 30 градусах восточной долготы.

...государство, длина границ которого в полтора раза больше окружности Земли по экватору, которое имеет больше всего соседей и омывается наибольшим количеством морей? Этими особенностями замечательно только одно государство в мире — СССР. Общая протяжённость границ более 60 000 км. (окружность Земли по экватору = 40 076 км). СССР на суше граничит с 12 государствами. Омывает его 13 морей.

...что одна река в СССР носит название посуды? Это река Таз.

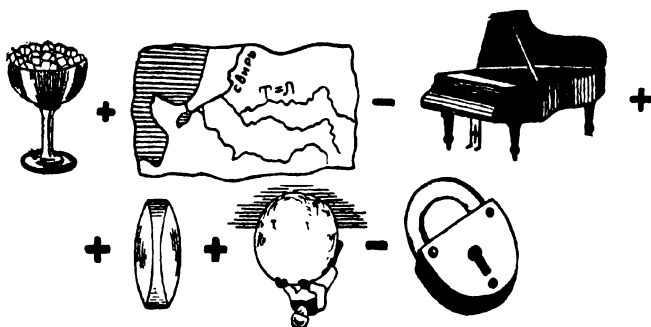

СЛОЖИ И ВЫЧТИ

Отдел ведёт В. Акентьев

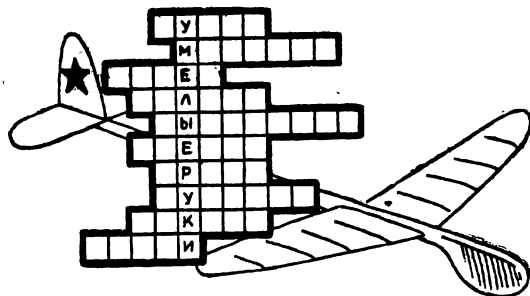
Этот ребус решается так же, как и обычный ребус, но значение рисунков, перед которыми поставлен минус, нужно отнимать от предшествующего текста.

Разгадав ребус, вы прочтёте название крупного острова. Вместе с тем этим словом названо произведение великого русского писателя...

УМЕЛЫЕ РУКИ

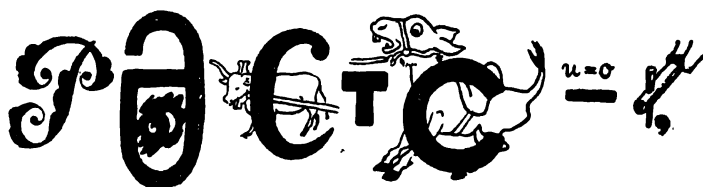
(Составила Люда ОЛЕЙНИЧУК, 245-я школа)

Впишите в горизонтальные ряды названия инструментов — столярных, слесарных и других, с помощью ко-

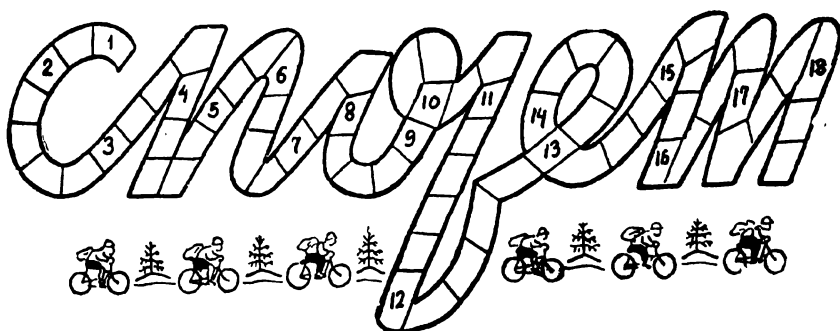
торых умелыми руками можно построить модель, сделать полку, скамейку, табурет и многое другое...

РЕБУС

Что здесь написано?

ЧАЙНВОРД

1. Партия игры в теннис. 2. Гимнастический снаряд. 3. Ледяное поле. 4. Прибор, облегчающий ориентирование на местности. 5. Наклонный помост для подъёма на берег небольших судов. 6. Торжественный смотр, праздничное шествие. 7. Спортивный метательный снаряд. 8. Спортивный бег по пересечённой местности. 9. Отправной пункт при состязании в беге. 10. Велодром — место для велосипедных гонок. 11. Самый быстрый ход лошади — ускоренный галоп. 12. Оружие фехтовальщика. 13. Судья. Старший судья в соревнованиях по борьбе. 14. Степень квалификации спортсмена. 15. Удочка для ловли донных рыб. 16. Стремительное нападение. 17. Спортсмен, человек большой физической силы. 18. Часть большого спортивного состязания, в течение которой все участники выступают по одному разу.

СЕМЬ СЕМЁРОК

(Составил Я. АЛЕКСЕЕВ)

Здесь дана запись арифметического действия умножения трёхзначного числа на трёхзначное. Все цифры, кроме семи семёрок, заменены звёздочками,

$$\begin{array}{r}
 * 7 * \\
 7 * * \\
 \hline
 * 7 * * \\
 * * * * \\
 * * * * \\
 \hline
 7 * * 7 7 7
 \end{array}$$

но этих семёрок вполне достаточно, чтобы путём рассуждений восстановить неизвестные цифры. Попробуйте это сделать: установите, какие цифры были перемножены.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 5)

«ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ»

1. Лаура. 2. Тунис. 3. Ливан. 4. Гибралтар. 5. Вашингтон. 6. Даккар. 7. Нагоя. 8. Париж. 9. Висла. 10. Конго. 11. Галац. 12. София. 13. Гаага. 14. Милан. 15. Югославия. 16. Барселона. 17. Эссен. 18. Осака. 19. Пекин. 20. Тарим. 21. Марна. 22. Памир. 23. Эльба. 24. Акаба.

«ПО РОДНОЙ СТРАНЕ»

М	О	С	К	В
А	А	Е	Н	И
А	К	И	Е	В
С	В	Е	Р	А
С	К	К	М	И

Решение смотрите на рисунке.

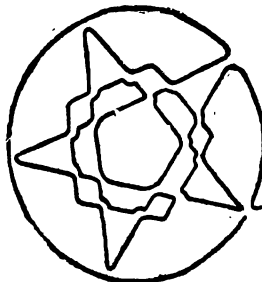
ЧАЙНВОРД

1. Транспорт. 2. Торт. 3. Тавот. 4. Терапевт. 5. Трафарет. 6. Табурет. 7. Термит. 8. Томат. 9. Трест. 10. Трут. 11. Тент. 12. Турист.

ЗАДАЧА

На реке, в лесу и в поле соберём подарки школе.

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Решение смотрите на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

Для вас. Стихотворение В. Самсонова	1
Шли друзья. Стихотворение И. Антонова	2
Эстафета жизни. Рассказ В. Дружинина	3
Близко орёл, найдите его. Загадочная картинка А. Илю- чека	7
«Святые слёзы». Рассказ Е. Чеповецкого	8
Стихотворения: «Муха на грузовике» М. Стельмах. «Па- па-гриб и дети» В. Ладынец, «На бахче» Г. Бойко . . .	13
Весь в отца! Рассказ А. Валиевского	14
Ребятам-октябрятам. Шторм на море. Книжки. Стихотво- рения Е. Аксельрод	22
Лосёнок. Бурундук. Муравей. Стихотворения М. Дёмина .	23
Ромка-артист. Рассказ С. Полетаева	24
Отчества явные и «тайные». Л. Успенский	28
Зарисовки из лагерной жизни художника Н. Зверева . .	39
Лети, Икар! Продолжение повести М. Герчина	40
На реке. Рассказ В. Козлова	51
Пенал. Стихотворение И. Белякова	60
Найдите трёх следопытов. Загадочная картинка А. Илю- чека	60
Знаешь ли ты?	61
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки — рисунок художника Ю. Лобачёва «Волейболисты».

На второй странице обложки — фотоснимки Г. Сафонова и Н. Карасёва.

На третьей странице обложки — пионерский парад на Дворцовой площади (фотоочерк Г. Сафонова).

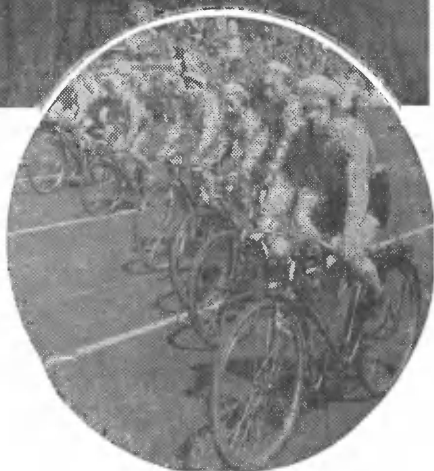
На четвертой странице обложки — рисунок художника Ю. Лобачёва «Подводные робинзоны».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57, Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 17/V Подписано к печати 16/VI 1960 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,17
М-26813 Зак. № 736 Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75 000

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград. Фонтанка, 57.

22 МАЯ по исторической Дворцовой площади в Ленинграде, ставшей традиционным местом народных торжеств, в чётком строю шагала пионерия.

Здесь состоялись парад и демонстрация юных пионеров в честь дня рождения пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина и присвоения ей имени великого вождя трудящихся.

Проходя мимо трибуны, на которой находились ленинградские партийные и комсомольские руководящие работники, юные ленинцы как бы рапортовали о своих успехах в ученье, в общественно полезном труде, во Всесоюзном Ленинском смотре — соревновании пионерских дружин.

Сколько новых увлекательных дел и затей появилось за последнее время в пионерских дружинах!

Ребята по праву говорят:
*Мы докажем, что нас не
напрасно
Ильичёвою сменой зовут.
Нет, не только по галстукам
красным —
Нас по славным делам узнают!*

На снимках: пионеры проходят по Дворцовой площади.

Фото Г. Сафонова

Цена 1 рубль

